
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА Н. П. КОВАЛЬСКАГО*

По разказамъ моего отца, Петра Михайловича Ковальскаго, котораго я душевно любилъ и уважалъ, родъ нашъ происходилъ отъ довольно древней, но небогатой фамилии. Дѣдъ отца, Конрадъ, послѣ смерти своей оставилъ сыну Михаилу въ Херсонской губерніи 80 душъ крестьянъ съ большимъ количествомъ земли, отъ которой, равно какъ и отъ крестьянъ, доходъ былъ самый незначительный. По смерти Михаила, имѣнье это досталось двумъ сыновьямъ его, отцу моему, Петру, и дядѣ, Федору. Отецъ состоялъ въ военной службѣ, но въ скоромъ времени вышелъ въ отставку и женился въ Лубнахъ на дочери казацкаго полковника С., дѣвушкѣ умной, доброй и съ изряднымъ по тогдашнему состоянію.

Такъ какъ хозяйство ихъ шло весьма незавидно, то они рѣшились переѣхать въ Калужскую губернію, гдѣ отецъ за ничтожную сумму приобрѣлъ небольшую деревеньку съ 75 ду-

* Авторъ предагаемыхъ записокъ имѣлъ несчастье лишиться въ 1861 году, во время пожара его деревенскаго дома, множества фамиліальныхъ бумагъ и рукописныхъ тетрадей въ которыхъ подробно излагалась имъ исторія его юности и служебныхъ годовъ. Настоящій трудъ, весьма отрывочнаго характера, есть не что иное какъ возобновленная редакція обширныхъ мемуаровъ предпринятая имъ на семидесятомъ году его жизни. Предагаемые любопытные отрывки, представляющіе живую и дышащую правдой картину нашего военнаго быта въ 1812, 13, 14 годахъ, принадлежатъ первой части записокъ. *Прим. ред.*

шами крестьянъ. Но онъ вскорѣ продалъ ее, полученные деньги отдать изъ процентовъ богатой сосѣдней помѣщицѣ Глафиры Денисьевнѣ Богдановой, а самъ, въ 1795 году, перѣхалъ на жительство въ Кылугу.

Я началъ себя хорошо помнить съ 1800 года. Однажды въ зимнее время я прибѣжалъ домой съ раскраснѣвшими щеками и руками, едва переводя духъ. Отецъ спросилъ меня гдѣ я по такому морозу шаялся? Я отвѣчалъ что смотрѣлъ на разводъ близъ рядовъ на городской площади. „Ну, прикрикнулъ отецъ, пора, брать тебѣ, за азбуку“, и въ тотъ же день пригласилъ приходскаго нашего священника давать мнѣ уроки. Когда я выучился читать и писать, къ намъ сталъ ходить на домъ въ качествѣ учителя семинаристъ богословъ Левъ Григорьевичъ Зарѣчской, умный и даровитый молодой человѣкъ. Онъ въ послѣдствіи постригся въ монахи, подъ именемъ Леонида, и былъ ректоромъ въ С.-Петербургской Александро-Невской лаврѣ и архимандритомъ. По замѣчательному уму своему онъ неоднократно удостоивался лично бесѣдовать съ императоромъ Александромъ, который весьма благоволилъ къ нему. Умеръ онъ внезапно и, какъ ходили слухи, насильственной смертью (отъ отравленія), вслѣдствіе разныхъ враждебныхъ происковъ.

Въ 1803 году, генералъ Богдановъ, по желанію жены Глафиры Денисьевны, предложилъ отцу моему отдать меня къ нимъ на воспитаніе, на что отецъ охотно, согласился. Я со слезами отправился въ богатое ихъ помѣстье, село Колодези, Казинскаго уѣзда. Жаль мнѣ было разставаться съ матерью, маленькою сестрой Елизаветой и только что оперившимися хохлатыми голубями, до которыхъ я былъ страстный охотникъ. Жаль мнѣ было также огромнаго бумажнаго змѣя съ длиннѣйшимъ хвостомъ, котораго собирался лустить при первомъ вѣтрѣ.

По прибытіи моемъ въ Колодези, дѣти Богданова очень меня обласкали, и въ особенности привязался ко мнѣ сынъ генерала Денисъ Сергѣевичъ, который въ послѣдствіи сдѣлался моимъ истиннымъ другомъ.

Глафира Денисьевна была урожденная Чичерина. Ея отецъ занималъ въ Сибири генералъ-губернаторскій постъ, съ правомъ казнить и вѣшать. Женщина умная и по тогдашнему довольно образованная (она изъяснялась по-французски и любила декламировать стихи Долгорукова), Глафира Денисьевна разказывала что, будучи, въ дѣвкахъ, въ Tobольскѣ, ей часто случалось спасать людей отъ смерти. Бывало отецъ ея

прикажетъ кого повѣсить, а къ ней придуть родныя преступника, и на колѣняхъ со слезами умоляютъ о пощады, и такъ какъ отецъ очень любилъ ее, то нерѣдко, уступая просьбамъ ея, прощалъ многихъ. Она также разказывала что когда они выѣхали изъ Сибири, колеса ихъ экипажей были обшиты серебряными шинами, у лошадей были серебряныя подковы, а на подводахъ везлось въ большихъ сундукахъ разное драгоценное добро. Это весьма вѣроятно, ибо я до сихъ поръ хорошо помню что домъ Богдановыхъ былъ богато убранъ китайскимъ фарфоромъ, зеркалами, бронзовыми божествами въ сидячемъ видѣ, лаковыми вещами и пр. За столомъ въ именинные дни подавались серебряныя блюда, столь тяжелыя что ихъ носили по два лакея. Самовары, подсвѣчники и кухонная посуда были также серебряныя.

Учились мы съ Денисомъ у Француза Ивана Петровича Канела, большого франта и любителя ружейной охоты. Уроками онъ занимался мало, а больше развѣзжалъ по гостямъ или расказывалъ по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ, изобилующимъ утками и тетеревами. Его обыкновенно сопровождала лягавая собака Плеронъ, сѣрой шерсти съ большими бурными пятнами и сграшнымъ ртомъ, песь такой величины и силы что мы, десятилѣтніе мальчики, запряжемъ его бывало въ санки и катаемся какъ на лони. Онъ раза два хозяину своему спасалъ жизнь.

Канелу скоро отказали отъ дому за его нескромныя поведенія съ горничными. Онъ пріютился у ближайшаго помѣщика Е. А. Панина (почтеннѣйшаго и добрѣйшаго человека, весьма ламятнаго мнѣ по любимой его оригинальной поговоркѣ: „все, батенька, дѣлается въ семь свѣтъ Божью премудростью и человѣческой глупостью“), а меня отецъ вскорѣ взялъ домой и, мѣсяца два спустя, повезъ въ Москву, гдѣ отдалъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ.

Въ пансіонѣ я учился довольно изрядно и былъ на лучшемъ замѣчаніи у тогдашняго ректора Антона Антоновича Антоновскаго. Экзамены сходили благополучно, и я уже съ отличіемъ успѣлъ перейти въ третій классъ, какъ вдругъ въ судьбѣ моей произошла неожиданная перемѣна.

....Въ декабрѣ 1807 года пріѣхалъ въ Москву въ отлукѣ племянникъ А. И. Власовой, * Ордена кираспирскаго полка

* Богатой старухи, къ которой я, будучи воспитанникомъ университетскаго благороднаго пансіона, хаживалъ по воскресеньямъ въ гости.

поручикъ князь А. И. Голицынъ. Его бѣлый мундиръ, ботфорты со шпорами и каска съ Андреевскою звѣздой и подпись „за службу и вѣрность“ привели меня въ восторгъ. Я удивлялся молодечеству князя, хотя онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ и собою очень некрасивъ. Онъ полюбилъ меня, краснощекаго, застѣнчиваго четырнадцатилѣтняго мальчика, и сталъ уговаривать вступить на службу въ его полкъ, которымъ въ то время командовалъ полковникъ К. И. Линденбаумъ. Плѣнный мундиромъ и блескомъ военной карьеры, я оставилъ пансіонскія занятія, и съ согласія отца, который при письмѣ выслалъ мнѣ на дорогу 125 р. асс., отправился опредѣляться на службу.

Въ просторной кибиткѣ, нагруженной всевозможною провизіей, московскими калачами, чаемъ, сахаромъ, жареною индейкой и гусемъ, укутанный въ волчью шубу и вдвоемъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ князя Голицына, Родиономъ, малымъ бывалымъ, и большимъ сказочникомъ, я выѣхалъ изъ Москвы совершеннымъ бариномъ. Дѣлая въ день около 50 верстъ и отдыхая аккуратно по ночамъ, мы на третью недѣлю Великаго Поста добрались наконецъ до Ошмянъ (Виленской губерніи), гдѣ находилась полковая квартира.

Опредѣленіе мое на службу состоялось скоро. Я облекся въ колетъ и лосиные штаны, надѣлъ каску, вооружился палашомъ и внутренно торжествовалъ.

Въ концѣ мая, мы отправились съ Голицынымъ къ ротмистру И. Д. Денисьеву, въ его эскадронъ, расположенный въ мѣстечкѣ Ивіо, куда неожиданно-негаданно прибылъ для совместнаго со мною служенія дорогой пріятель мой Д. С. Богдановъ. При немъ было нѣсколько человѣкъ людей, лошадей и значительный кушъ денегъ (незадолго до этого умеръ его дѣдъ и оставилъ отцу Денису слишкомъ четыре тысячи душъ крестьянъ и большой капиталъ), и вотъ пошла у насъ жизнь на славу. Службой мы, разумѣется, мало занимались, а ѣли, пили, лакомились, катались и вообще вели себя настоящими школьниками. Какъ обращеніе тогдашнихъ шалостей, приведу слѣдующіе два случая.

Къ намъ иногда заходилъ въ гости сухощавый старичокъ докторъ, имѣвшій близъ Ивіо свой маленькій фольваркъ. Этотъ докторъ, большой говорунъ и плохой музыкантъ на скрипкѣ, любилъ прихвастнуть своею храбростью, въ особенности послѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша. Однаж-

ды онъ пустился въ длинное повѣствованіе о различныхъ сраженіяхъ въ которыхъ участвовалъ, о небывалыхъ операціяхъ которыя будто бы производилъ съ необыкновенною смѣлостью, а между тѣмъ время, коротаемое луншемъ, лонемному шло, и уже совсѣмъ стемнѣло когда нашъ собесѣдникъ, попиливъ на скрилкѣ, вышелъ на дворъ. Голицынъ притворилъ дверь и таинственно шепнулъ мнѣ: „Пойдемъ за докторомъ, я сыграю съ нимъ славную штуку и проучу этого хабреца.“ Мы прокрались черезъ дворъ на улицу и пошли по его слѣдамъ. Ночь была темная, но тихая и теплая. Тучи ходили по небу. Подходя къ жидовской корчмѣ, которая стояла на полдорогѣ отъ докторскаго фольварка, мы увидали страшной величины фигуру съ рогами, у которой изо рта шло пламя, бросавшее трепетный свѣтъ на ея бѣлый саванъ. Фигура эта шла прямо на доктора, показавшагося въ ту же минуту изъ-за корчмы. Несчастный до того испугался что упалъ на землю и сдѣлался недвижимъ. Мы съ Денисомъ также сначала струхнули, но князь объяснилъ намъ что это видѣніе—переряженный, на ходуляхъ, человекъ его Парамонъ. Мы принялись оттирать доктора. Онъ пришелъ въ себя и едва проговорилъ: „Мнѣ очень дурно, я сейчасъ видѣлъ страшное чудовище, которое съ такимъ ревомъ бросилось на меня что я лишился чувствъ.“ Напрасно мы увѣряли его что чудовища никакого здѣсь не было, что онъ сдѣлался только жертвой довольно глупой шутки; докторъ остался при своемъ. Совѣстно вспомнить что бѣднякъ пролежалъ послѣ того въ постели нѣсколько недѣль. Когда въ послѣдствіи онъ возвращался съ нашего лунша домой, то въ рукахъ у него была уже не скрипка, а толстая сучковатая палка.

Въ мѣстечкѣ Ивіо совершенно не было никакихъ развлеченій; ни книгъ, ни порядочныхъ знакомыхъ между тамошними помѣщиками. Поляки въ то время косились на насъ какъ и теперь. По воскресеньямъ, отъ нечего дѣлать, мы хаживали въ небольшой доминиканскій костелъ, гдѣ порядочно игралъ на органѣ пожилой лѣтъ мужчина, страстный любитель горячихъ налитковъ. Разъ какъ-то мы ему дали ноты съ безобразною музыкой „Барыни“ и увѣрили его что это гимнъ, который у насъ поется при выходѣ изъ церкви по большимъ праздникамъ. Органистъ, долго не думая, грянулъ его по клавишамъ, къ великому удивленію и соблазну прихожанъ, которые, остановясь на паперти, стали толковать между собою:

что это за странная и вмѣстѣ веселая музыка? Мы по ребячеству смѣялись, а по окончаніи службы зазвали къ себѣ органиста и стали его подчивать на убой.

По окончаніи осени, Голицынъ отпросился въ отпускъ, а мы съ Богдановымъ были потребованы для познанія службы въ городъ Ошмяны.

Въ Ошмянахъ время потянулось невообразимо скучно и однообразно.

Однажды жена нашего полковника, — женщина замѣчательной красоты и лично извѣстная императору Александру, — вздумала для развлеченія устроить нѣчто въ родѣ собранія, куда бы могли съѣзжаться танцовать сосѣдніе помѣщики и мѣстные чиновники. Къ сожалѣнію, въ городѣ не было для этого порядочной залы. По долгомъ размышленіи, оказалось что въ домѣ уѣзднаго суда, въ верхнемъ этажѣ стоитъ только вынести архивъ и сломать полки и перегородки, чтобы очистилось превосходное помѣщеніе. Мысль эту подала ошмянская помѣщица, генеральша Лыкошина, пожилая, но веселаго нрава и весьма радушная хозяйка.

Уѣздный судья, панъ Лала, послѣшившій распорядиться архивомъ, и въ залѣ, отдѣланной хоть куда, загремѣла прекрасная полковая музыка. Наѣхало много офицеровъ и окружающихъ помѣщиковъ, Поляковъ, съ женами и дочерьми, такъ что въ кавалерахъ недостатка не было. Танцовали до упаду. Многіе были замаскированы, а я между прочимъ въ женское платье, по настоянію полковницы, которая очень меня побаивала и подшучивала надъ моею застенчивостью. На одномъ изъ такихъ импровизованныхъ баловъ, офицеръ нашего полка баронъ С — нъ свелъ знакомство съ женой исправника, зажиточнаго Поляка, фамиліи котораго не упомяну. Это былъ тучный, здоровый, лѣтъ за сорокъ мужчина, крайне ревниваго темперамента. Онъ скоро смекнулъ что жена его неравнодушна къ С — ну и сталъ слѣдить. Мы, ничего не подозревая, продолжали попрежнему посѣщать собраніе, танцовать до утра и волочиться за польскими дамами, мелкопомѣстными шляхетками. А между тѣмъ противу насъ зрѣлъ заговоръ. Однажды къ концу января (1809) мы замѣтили что въ залу собранія нашло множество Поляковъ. Они часто подходили къ буфету, пили вино и прилѣвали въ полголоса „еще Польша не стигла, когда мы“ и пр. Вдругъ исправникъ, будучи уже навеселѣ, закричалъ: „гаси свѣчи, бей Москалей!“ и въ ту же ми-

нугу нѣсколько человѣкъ бросились тушить лампы и свѣчи и бить офицеровъ. Но такъ какъ нашихъ было много, то произошла страшная схватка. Мы закричали: „музыканты сюда!“ и пошла потѣха. Два фагота, не желѣя своихъ инструментовъ, нещадно колотили ими врага. Фаготамъ помогали флейты и кларнеты. Тутъ же два кирасира, стоявшіе у дверей для порядка, пустили въ ходъ ружейные приклады. Дамы подняли страшный крикъ и плачь. Полковницу и генеральшу кое-какъ выпроводили. Многія бѣжали въ однихъ бальныхъ платьяхъ. Сцена была непредвидѣнная и ужасная. Больше всѣхъ пострадалъ исправникъ, какъ зачинщикъ. Уступая натиску, онъ выбилъ оконную раму, бросился со второго этажа, но къ счастью попалъ въ глубокій снѣгъ. Судью Лалу повалили на полъ, и на лицо его посыпались удары шпорами. Прочихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, по распоряженію полковника, арестовали и отправили на гауптвахту. Смятеніе произошло во всемъ городѣ. Утромъ Поляки послали въ Вильну на имя генералъ-губернатора Корсакова просьбу, въ которой излагалось все дѣло съ самой дурной для насъ стороны. Наряжено было слѣдствіе, которое продолжалось почти два мѣсяца. Въ концѣ марта, въ самое Свѣтлое Воскресенье, когда за обѣдомъ мы собирались пить за здоровье полковника и его жены, прискакалъ фельдъегерь и подаль К. И. пакетъ. По вскрытіи онаго оказалось что полкъ нашъ въ 24 часа долженъ былъ приготовиться въ походъ въ Галицію, по прилагаемому маршруту. Полковникъ и офицеры отъ радости закричали ура! Попало шампанское, и всѣ лили съ восторгомъ и отчасти съ заднею мыслію что непріятное слѣдствіе съ начатіемъ войны непременно должно было прекратиться.

Для три спустя полкъ нашъ выступилъ изъ Омьянъ. Всѣ были довольны оставить этотъ дрянной городишко, жители котораго, въ особенности чиновники, и во главѣ ихъ исправникъ, насъ возненавидѣли. А исправникъ въ то время былъ значительное лицо. Онъ утверждалъ по базарнымъ цѣнамъ справки на овесъ и сѣно, взимая, конечно, съ полковника въ видѣ благодарности по 10% съ рубля. Какъ ни странны покажутся, можетъ-быть, нынѣ эти порядки, но въ наше время ими не тяготились. Полковой командиръ, который получалъ отъ своего полка въ годъ доходу не менѣе 100.000 руб. ассигн., и эскадронные командиры умѣли соблюдать свои выгоды. Справочная цѣна всегда была высокая, овесъ и сѣно нило-

чемъ, а солдаты, разбитые по деревнямъ, зачистую таскали ихъ у поселянъ и помѣщиковъ. Но все обходилось тихо и смирно. По заведенному порядку, офицеры во время пребывания въ полковой квартирѣ обѣдали у полковника, а въ эскадронахъ у эскадронныхъ командировъ. Притомъ они получали на одну верховую и на одну вьючную лошадь фуражъ.

При выходѣ въ походъ, команду надъ нашимъ эскадрономъ принялъ майоръ Д. Н. М — въ, служившій прежде въ кавалергардахъ, очень видный офицеръ, большой наѣздникъ и страшный фанфаронъ. Онъ смотрѣлъ свысока на недостаточныхъ офицеровъ, а съ нижними чинами обращался до крайности жестоко. Не проходило дня чтобъ онъ не наказалъ палками трехъ-четырехъ кирасиръ. Пятьсотъ палокъ считалось обыкновеннымъ наказаніемъ. Не мудрено поэтому что какъ офицеры, такъ и солдаты ненавидѣли М—ва, а этотъ зѣбрь говаривалъ что въ тотъ день онъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ когда не накажетъ нѣсколько людей палками.

Походомъ я долженъ былъ ѣхать въ казенной аммуниціи, то-есть въ тяжелой мѣдной каскѣ, украшенной большимъ султаномъ изъ конскихъ волосъ, въ суконномъ подгалстучникѣ и въ рейтузахъ снабженныхъ вмѣсто лампасовъ металлическими луговицами, ушки которыхъ такъ впивались въ тѣло, что бывало на бокъ прилечь невозможно, а ложись для отдыха навзничъ. Палаши были тяжелые, и около нихъ должна была находиться (у юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ) форменная натуральная трость. Къ прелестямъ этой костюмировки прибавьте что въ походъ мы выступили въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самый разливъ воды. Разъѣзжая по лужамъ, я одинъ разъ попалъ въ колодезь, ничѣмъ не огороженный, и меня насилу оттуда вытащили. За это получилъ отъ М—ва строжайшій выговоръ. Другой разъ лошадь моя, чего-то испугавшись, бросилась на перила моста и увлекла меня въ довольно глубокую рѣчку. Къ счастью, тутъ было нѣсколько рыбаковъ, которые спасли меня отъ вѣрной смерти. Добрый конь мой (Огурецъ) выплылъ оамъ на берегъ.

Въ наказаніе за эту шалость, М—въ послалъ меня при эскадронѣ пѣшкомъ. Идя по грязи, я горько плакалъ, вспоминая привольную московскую жизнь съ ея удовольствіями, гуляньями въ Нескучномъ, веселыми обѣдами въ трактирѣ у Поляка и роскошными балетами.

Этотъ несносный походъ въ Галицію продолжался около

мѣсяца. Къ счастью, М—въ заболѣлъ, и эскадронъ нашъ принималъ попрежнему добрейшій ротмистръ Денисьевъ. Офицеры и солдаты вздохнули свободно. Вскорѣ мы пришли въ небольшой городокъ Новое Место, принадлежавшій помѣщику графу Шидловскому, знатному польскому баричу, нигдѣ не служившему и получавшему дохода до ста тысячъ червонцевъ въ годъ.

Графъ былъ такъ любезенъ что самъ пріѣхалъ къ Денисьеву рекомендоваться и просилъ познакомить его со всѣми офицерами и юнкерами, что тотчасъ же и было исполнено. Средняго роста, худощавый, съ каштановыми волосами, онъ нескazanно располагалъ къ себѣ своимъ открытымъ, прекраснымъ, ласковымъ лицомъ. Онъ объявилъ намъ что живетъ верстахъ въ трехъ отъ Новаго Мѣста, на мызѣ, съ однимъ сыномъ-сухоручкой и молодою племянницей, что домъ у него большой, что онъ очень радъ такимъ гостямъ какъ мы, и убѣдительно просилъ (насколько во всемъ этомъ было правды?) бывать у него каждый день безъ церемоніи.

Часу во второмъ пріѣхали отъ него за нами двѣ *кочи* чептериками. Одна коча была запряжена бѣлыми жеребцами, а другая вороными, съ огромными наборными хомутами. Кучера, разумѣется, были съ бичами.

У графа мы нашли великолѣпно сервированный завтракъ. Хозяинъ намъ отрекомендовалъ своего сына, молодого образованнаго челоvѣка (къ сожалѣнію, съ высохшею рукою), и тринадцатилѣтнюю племянницу Адель. Адель была сама грація. Взгляды этой милой и красивой дѣвушки огнемъ зажгли наши юношескія сердца. Игра ея на фортепіано, прелестное пѣніе и старое венгерское, котораго мы выпили по небольшой рюмкѣ, окончательно вскружили намъ головы. Графъ предложилъ сыграть по маленькой въ тогдашнюю игру *цвинз* (?) и ухитрился проиграть около 200 австрійскихъ гульденовъ.

Послѣ игры, продолжавшейся довольно долго, мы уѣхали обратно въ городъ. На другой день повторилась та же исторія. Такимъ же образомъ пріѣхали за нами кочи, такой же мы нашли прекрасный столъ и такъ же всѣхъ одушевляла своею игрой несравненная Адель. Графъ любилъ ее безъ памяти, и въ продолженіе всей стоянки (которая длилась болѣе мѣсяца) угощалъ насъ виномъ и цвиномъ, и въ концѣ концовъ проигралъ до 5.000 гульденовъ.

Такое гостепріимство было намъ, конечно, по сердцу. Въ особенности доволенъ имъ былъ баронъ С—нъ, который, любез-

ничая съ Аделью, услѣлъ ей не на шутку пригласиться. Они вмѣстѣ занимались музыкой, разговаривали по часамъ; но такъ какъ Адели было всего тринадцать лѣтъ, то никто не обращалъ вниманія на ихъ болѣе нежели дружественныя отношенія.

Когда намъ пришлось ѣхать въ Лембергъ (Львовъ), графъ угостилъ насъ на славу и горячо благодарилъ ротмистра и всѣхъ офицеровъ за оказанную ими дружбу. Мы разстались съ ними чуть не со слезами.

Первый переходъ отъ Новаго Мѣста былъ не болѣе двадцати верстъ. Мы размѣстились по крестьянскимъ дворамъ, въ бѣдной и грязной польской деревенькѣ. Поздно вечеромъ къ одной изъ занимаемыхъ нами избъ, подѣхала бричка, изъ которой вышла дѣвушка, спрашивая гдѣ квартируетъ баронъ С—нъ? Насъ это очень удивило, но мы послѣдили указать ей дорогу. Не прошло четверти часа, какъ въѣзжаетъ къ Девисьеву баронъ съ крайне разстроеннымъ видомъ. Чтѣ такое случилось? Случилось то что влюбленная Адель бѣжала изъ дому и, явившись къ нему въ ночное время, умоляла его чтобъ онъ увезъ ее съ собою и женился на ней. Девисьевъ, какъ человѣкъ положительный, не задумался рѣшить что было бы крайне безсовѣстно, за всѣ ласки и доброе расположеніе оказанныя намъ графомъ, отплатить ему самою черною неблагодарностью, и что на поступокъ Адели слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на дѣтскую выходку. Онъ посоветовалъ С—ну немедленно уговорить Адель возвратиться къ дядѣ, и даже самому проводить ее. С—нъ согласился и кое-какъ убѣдилъ бѣглянку, которая трепетала отъ одной мысли показаться на глаза графу, ѣхать съ нимъ обратно въ Новое Мѣсто. Подѣзжая къ мызѣ, онъ увидѣлъ что весь домъ на ногахъ; въ саду вдоль рѣки бѣгали люди съ факелами, самъ графъ въ шлафроктѣ на раслашку, безъ шапки, шумѣлъ, суетился и оглашалъ ночной воздухъ именемъ Адели.

Трогательную сцену ея возвращенія къ дядѣ описывать не стану. Графъ не зналъ какъ благодарить С—на, прижималъ его къ груди, увѣрялъ что онъ вѣкъ будетъ помнить этотъ благородный подвигъ, спасшій честь дома и его счастье, предлагалъ свою дружбу, услуги, деньги, отъ которыхъ баронъ, разумѣется, отказался, и наконецъ уговорилъ его, въ знакъ памяти, принять ничтожную бездѣлушку — великолѣпный дорожный несессеръ, съ полнымъ серебрянымъ сервизомъ.

Изъ *Мурованыхъ Лашекъ*, гдѣ расположилась штабная квартира, полкъ нашъ перевели въ имѣнье графа Мнишекъ....

Вскорѣ всѣ заговорили что войны не будетъ, и что намъ предстоитъ обратный походъ въ Ошмяны. Извѣстіе это огорчило насъ, и я не могъ удержаться отъ слезъ при мысли что случай отличиться въ сраженіи, взять пушку и получить за это Георгіевскій серебряный крестъ (верхъ моихъ надеждъ и желаній) ускользаль безвозвратно.

Дворецъ князя Мнишекъ, или лучше сказать замокъ, гдѣ квартировалъ нашъ полковникъ, представлялъ громадное зданіе, окруженное глубокими рвами, наполненными водой и пересѣченными въ одномъ мѣстѣ подземнымъ мостомъ. Внутри замка было много огромныхъ необитаемыхъ залъ, съ почернѣвшею отъ древности мебелью. Нѣкоторыя комнаты были отдѣланы въ китайскомъ вкусѣ и украшены попорченными фарфоровыми фигурами. Въ одной обширной гостиной стѣны были изъ чернаго дерева, съ переламутровыми великолѣпными инкрустаціями, изображающими деревья и звѣрей. Но все это было въ запустѣніи, инкрустаціи мѣстами лопыкronились, на полахъ валялась всякая дрянь. Въ залахъ при дурной погодѣ обучали солдатъ лѣшему строю, и при этомъ безсозвѣстно портили прекрасныя паркеты. Въ замкѣ устроенъ былъ костелъ, на стѣнахъ котораго красовались портреты Димитрія Самозванца и Марины, въ царскомъ одѣяніи и коронахъ. Близъ костела помѣщались огромный физическій кабинетъ и библіотека; но книгъ на полкахъ уже не было, а физическіе инструменты въ безпорядкѣ лежали на полу. Подъ замкомъ находились подземелья, напоминавшіе намъ романы Радклифа. Правда, мы не нашли въ нихъ скелетовъ, но на стѣнахъ висѣли еще цѣли, и всюду видѣлись длинныя, извилистые переходы.

Тревожныя слухи о прекращеніи войны и примиреніи съ Французами оправдались. Полкъ нашъ вернулся въ Виленскую губернію на зимнія квартиры, и новымъ командиромъ назначенъ къ намъ былъ, вмѣсто К. И. Линденбаума, графъ А. И. Гудовичъ, небольшого роста, сутуловатый, худощавый человѣкъ, съ большимъ носомъ, но пріятными сѣрыми глазами. „Ну братъ, говорили мнѣ мои товарищи, прошло твое золотое время, довольно поѣздилъ ты съ Линденбаумшей на балы, пора за дѣло. Послужи-ка съ Гудовичемъ, узнаешь службу.“ Но графъ, несмотря на то что былъ дѣйствительно строгій начальникъ, обошелся со мною весьма ласково и въ особен-

ноости сталъ любезенъ съ тѣхъ поръ какъ мнѣ удалось, хотя и съ рискомъ жизни, удачно исполнить его частное порученіе въ городъ Ригу *....

Вскорѣ затѣмъ, благодаря усиленному ходатайству Богданова въ Петербургѣ, мы были переведены съ нимъ въ гвардію, въ лейбъ-драгунскій полкъ. По прибытіи въ столицу, я отправился въ Мраморный дворецъ, въ канцелярію великаго князя Константина Павловича, гдѣ получилъ приказаніе отъ полковника Лагоды явиться на другой день пораньше, для представленія его высочеству.

Его высочество разсѣянно взглянулъ на меня и, прервавъ разговоръ съ какимъ-то генераломъ, сказалъ Лагодѣ: „Вели его отправить въ Стрѣльну, къ Чичерину.“ Я нанялъ тройку лошадей, и по отвратительной дорогѣ, поздно ночью, едва дотащился до новаго мѣста назначенія. Въ городѣ все спало, но въ одномъ домѣ мелькалъ еще огонекъ. Это было у хлѣбника, который по настоятельной моей просьбѣ согласился отвести мнѣ чуланъ для ночлега.

Ночью я проснулся отъ сильного лиска и бѣготни, происходившихъ у меня подъ лавкой, заснуть уже я болѣе не могъ, и когда разсвѣло, увидѣвъ, къ крайнему удивленію, подъ лавкой двѣ желѣзныя, плетенныя кѣтки, наполненныя живыми крысами. Хлѣбникъ пояснилъ мнѣ что онъ поставляетъ ихъ въ Стрѣльнскій дворецъ (по рублю за штуку), гдѣ ихъ покупаютъ для травли таксами. Великій князь имѣлъ при себѣ множество породъ таксъ, и въ послѣдовѣнное время любилъ травить ими крысъ въ одной изъ дворцовыхъ залъ. На царскомъ дворѣ его высочества держались разнаго сорта собаки, борзья, датскія, меделанскія, бульдоги и т. п. Въ смежномъ помѣщеніи находилось нѣсколько медвѣдей и волковъ. Любимыя собаки великаго князя послѣ смерти хоронились въ саду, и надъ ними ставили мраморныя доски съ надписями.

Когда мой новый мундиръ и простая амуниція были готовы, меня назначили въ эскадронъ къ Радуловичу, родомъ Сербу, смуглому, съ орлинымъ носомъ и большими бакенбардами (ношеніе усовъ тогда воспрещалось). Радуловичъ слылъ за строгаго начальника и отрицательнаго служаку. Онъ уже разъ былъ въ отставкѣ, прослуживъ офицеромъ 25 лѣтъ; но снова

* По дорогѣ я наткнулся на шайку разбойниковъ, которую преслѣдовала команда солдатъ.

вступилъ въ гвардію по желанію старика отца, который встрѣтилъ его словами: „Охъ ты вражіи сынъ, зачѣмъ прибылъ къ дому когда ѣсть нечего?“ отколотилъ его батогами и выгналъ вонъ. Радуловичъ при первой встрѣчѣ со мною сдѣлалъ мнѣ начальническое внушеніе, и когда я однажды въ чемъ-то провинился, нарядилъ меня на три дня на конюшню мести навозъ! Наказаніе строгое, но далеко не превышавшее тѣхъ каръ которыя были въ наше время въ употребленіи. Такъ въ эскадронѣ полковника Мезенцова, юнкеръ Каръ, очень богатый молодой человѣкъ, но великій ловѣса, былъ за какую-то шалость осѣдланъ казеннымъ сѣдломъ и посаженъ верхомъ на коновязи съ гири на обѣихъ ногахъ.

Да и что за бѣдовый народъ были вообще наши юнкера! Многіе изъ нихъ получали отъ родителей огромное содержаніе (такъ графу Сангушко высылалось изъ дому до 50.000 р. асс. въ годъ) и деньгамъ счету не знали. Большинство принадлежало къ аристократическимъ фамиліямъ (баронъ Искуль, Чертковъ, графъ Алраксинъ, графъ Потоцкій, Салтыга, Яковлевы и пр.), и пользуясь своими связями и богатствомъ, они что называется куралесили вволю. Къ намъ изъ Петербурга въ Петергофъ (куда былъ переведенъ нашъ полкъ въ маѣ мѣсяцѣ) наѣзжали по вечерамъ Цыганки, шарманщицы, Тирольцы. Гремѣла музыка, затѣвались пляски, лускались фейерверки. Юнкера конныхъ полковъ закупать бывало бракованныхъ лошадей, и партіями, человѣкъ въ двадцать, несутся во весь духъ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, въ знакомую гостиницу, гдѣ паруютъ до утра. Но можно ли пересказать всѣ тогдашнія шалости? Бывало въ лѣтнія ночи, когда открывались дворцовыя окна для провѣтриванія комнатъ, молодые люди забирались во внутренніе апартаменты и закладывались на постеляхъ приготовленныхъ для штатсъ-дамъ и фрейлинь. Мы рвали цвѣты, ломали сирень, портили фонтаны. Книги тогда были не въ большомъ почетѣ. Ихъ замѣняли карты, луншъ, бесѣды о разгульныхъ женщинахъ. Нравственность вообще стояла весьма низко. Правда, за то много было дружбы, искренности и безкорыстія.

Я знавалъ одного юнкера лейбъ-уланскаго полка, Черкасова, который лицомъ былъ довольно схожъ съ великимъ княземъ и отменно имитировалъ его. Надѣнетъ бывало шляпу съ султаномъ и конно-гвардейскій мундиръ и начнетъ кричать на насъ голосомъ великаго князя. Сходство было до того поразительное,

зительно что мы, забываясь, трепетали отъ страха, а одинъ стоявшій на караулѣ офицеръ Е. схватилъ однажды лихорадку, послѣ строжайшаго выговора полученнаго имъ отъ двойника великаго князя. Последняго извѣстили объ этой продолкѣ Черкасова; онъ, говорятъ, разсмѣялся, но не велѣлъ преслѣдовать шутника.

На нарушеніе формы обращали строгое вниманіе. Такъ однажды на разводѣ, великій князь, замѣтивъ что у меня изъ-подъ чешуи каски выглядываютъ довольно длинныя пряди волосъ, приказалъ подать барабанъ, посадить меня на оный и остричь подъ гребенку. Изъ ближайшей швальни явился закройщикъ и совершилъ эту операцію огромными ножницами. Мнѣ было около 16 лѣтъ, я плакалъ.

Жизнь въ Петергофѣ протекла шумно. Въ то время это былъ мизерный городишко, большею частью населенный придворными служителями, существованіе которыхъ обезпечивалось деньгами вырученными ими во время лѣтняго праздника въ честь императрицы Маріи Феодоровны. 17го іюля въ городокъ съѣзжался весь Петербургъ, и квартиры брались на расхватъ по 500 до 1.000. руб. за какіе-нибудь два-три дня. Я квартировалъ у кастелянши М. Васильевой, въ домѣ которой на время праздника располагалась придворная контора. Сюда свозилось безчисленное множество жизненныхъ припасовъ, винъ и кухонныхъ принадлежностей. Половина или по крайней мѣрѣ третья часть этого добра оставалась въ пользу придворныхъ служителей. Столовая посуда (кромя серебра) оставалась обыкновенно попорченною или разбитою, и метръ д'отель, по отѣздѣ двора, продавалъ офицерамъ по дешевымъ цѣнамъ разныя вина цѣлыми ящиками. Бѣдные жители охотно покупали восковые огарки, и даже однажды за безцѣнокъ приобрѣли туалетные остатки одной весьма извѣстной красавицы, иностранки, квартировавшей у придворнаго архитектора. Эта госпожа, имѣвшая доступъ къ императору Александру, брала ванны изъ молока и мадеры. Мадера была разлита въ бутылки, а молоко въ кувшины и горшки, и обѣ жидкости продавы для вторичнаго, болѣе натурального употребленія.

Какихъ впрочемъ чудесъ не видалъ тогда Петергофъ! Помню что близъ Монъ-Плезира народъ собирался слушать роговую музыку Нарышкина. Оркестръ состоялъ изъ 50 человекъ, которые выводили одновременно на своихъ инструментахъ

каждый одну какую-нибудь ноту. Только въ Россіи могли водиться подобныя чудеса. Содержать 50 человѣкъ, поить, кормить, одѣвать ихъ, платить имъ жалованье, и это за одну только ноту! Музыка была, правда, самаго заунывнаго характера и располагала душу къ мечтаніямъ.

Къ концу 1811 года меня произвели въ офицеры. Надѣвши полную ларадную форму, я считалъ себя счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ. И чего въ самомъ дѣлѣ недоставало 16ти-лѣтнему юношѣ? Каска вызолоченная съ Андреевскою звѣздой и надписью „за вѣрность и усердіе“, на чепракѣ четыре такія же звѣзды и съ такою же надписью. Офицеръ Б. разказывалъ мнѣ что онъ, бывая въ отпуску, надѣвалъ по большимъ праздникамъ свой чепракъ, и такъ какъ у него на груди и сзади оказывались звѣзды, то мужики низко кланялись ему и величали генераломъ, а бабы несли на поклонъ лица, куръ, утокъ и гусей.

Въ февралѣ 1812 года великій князь дѣлалъ лейбъ-гвардіи уланскому и лейбъ-гвардіи драгунскому полкамъ смотръ, по окончаніи коего, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ въ кружокъ и объявилъ имъ что по случаю предстоящей кампаніи съ Французами, онъ надѣется что названные полки явятся вполне достойными ожиданій которыя государь императоръ возлагаетъ на ихъ храбрость и мужество. Офицеры и солдаты закричали ура, съ присвокупленіемъ „ради стараться“, и полкъ нашъ въ скоромъ времени выступилъ въ походъ. Первую дневку мы имѣли въ Гатчинѣ, гдѣ удостоились быть приглашенными къ столу императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня насъ обласкала и угостила, и мы послѣ обѣда поочередно подходили къ ней къ ручкѣ благодарить.

Изъ другихъ дней наиболѣе для меня памятная была въ имѣніи польскаго вельможи графа Шадурскаго...

Въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Нѣмана, начались у насъ авангардныя дѣла съ Французами; но такъ какъ непріятель воюду былъ въ превосходныхъ силахъ, то главнокомандующій Барклай-де-Толли сдѣлалъ распоряженіе чтобы войска наши ретировались внутрь страны. Около Полоцка я былъ первый разъ въ дѣлѣ. Генералъ Панчулидзевъ завелъ нашъ полкъ въ какое-то болото, окруженное сосновымъ рѣдкимъ лѣсомъ, откуда Французы стрѣляли и убивали нашихъ на выборъ. Говорившему со мною капитану Глазеналу пуля попала въ воротникъ мундира и перешибла горло. Онъ повалился на меня

бездыханный. Между тѣмъ нули лицади какъ шмѣли, и люди и лошади падали кругомъ, пораженные на смерть. Къ счастью, полкъ успѣлъ какъ-то вывести изъ болота; но это несчастное первое дѣло произвело на меня самое тяжелое впечатлѣнiе. Сильно поразила меня смерть капитана Глазенапа, котораго я зналъ за умнаго и достойнаго всякаго уваженiя человѣка.

Начиная отъ Полоцка, полкъ нашъ находился постоянно въ аррьергардѣ, и Французы провожали насъ ядрами вплоть до Смоленска, гдѣ мы присоединились къ арміи Багратіона, счастливо ускользнувшего отъ преслѣдованiя непріятеля.

Помяну въ ту пору мнѣ довелось быть свидѣтелемъ ужаснаго зрѣлища. По волѣ Барклая-де-Толли, разстрѣляны были 12 человѣкъ рядовыхъ и одинъ офицеръ, уличенные въ покражѣ разныхъ вещей въ домахъ у окрестныхъ помѣщиковъ, полотенъ, скатертей, столоваго серебра и т. п. На эту страшную экзекуцію приказано было собрать съ каждаго полка по одному офицеру и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ находился и я. Отговориться было невозможно, служба призывала насъ въ зрители этой невыносимой трагедіи. Сентенція была прочтена и началось разстрѣливаніе въ шести шагахъ, по знаку подаваемому унтеръ-офицеромъ палкой. На преступниковъ надѣты были мѣшки, у ногъ зіяли свѣжія могилы... Эта экзекуція подѣйствовала однако спасительно на нижнихъ чиновъ и даже на нѣкоторыхъ черненькихъ офицеровъ. Мародѣрство и воровство прекратились.

Три дня спустя я былъ назначенъ на ординарцы къ Барклаю-де-Толли. Онъ ѣхалъ въ сюртукѣ и фуражкѣ, окруженный большою свитой генераловъ и офицеровъ. Вскорѣ подскочалъ къ нему верхомъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ конно-гвардейскомъ вицъ-мундирѣ, въ шляпѣ съ султаномъ и съ нагайкой черезъ плечо. Онъ нѣсколько времени о чемъ-то горячо говорилъ съ главнокомандующимъ, но вдругъ схватилъ нагайку и ударилъ по лошади. Лошадь взвилась, шляпа свалилась у него съ головы, но онъ не обратилъ на это вниманiя и ускакалъ назадъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Офицеры находившіеся въ свитѣ Барклая-де-Толли говорили что великій князь остался крайне недоволенъ пріемомъ сдѣланнымъ ему главнокомандующимъ.

Отъ Смоленска, гдѣ произошло извѣстное несчастное для насъ дѣло, въ коемъ не участвовали только кавалерійскіе пол-

ки, мы ретировались на Вязьму. Въ этомъ городѣ, проходя мимо рядовъ, мы видѣли какъ купцы укладывали на воза свой товаръ. Дѣло было слѣзное, непріятель на носу, и потому многіе торговцы мелочными предметами раздавали намъ безденежно всякую всячину. Мы всунули въ руки бутылку съ духами, которые оказались въ послѣдствіи острою водкой....

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ армію новый главнокомандующій, Голенищевъ-Кутузовъ, вмѣсто Барклая-де-Толли, о которомъ у насъ ходили слухи что онъ измѣнникъ....

Предъ Бородинскимъ дѣломъ, для поднятія духа въ армію, адъютанты Кутузова разфѣзжали по полкамъ съ вымышленнымъ извѣстіемъ что король Неаполитанскій Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ изъ заранѣ приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся ввиду арміи, и это обстоятельство ободрило многихъ малодушныхъ людей. Наша дивизія находилась на правомъ флангѣ, прикрывая лѣвоту и три сильныхъ баттарей, отъ дѣйствія коихъ послѣ полудня мы уже не могли различить другъ друга: такой густой разстилался дымъ. Мы отдѣлялись однако относительно незначительною потерей людьми и лошадьми.

На другой день армія наша начала ретироваться къ Москвѣ. Проходя по улицамъ этой древней столицы, солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятеля, и, сдѣлавъ это Барклай, въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе. Въ Москвѣ оставалось еще много жителей. Какъ сейчасъ помню, ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвухами, вѣроятно мать съ дочерьми. Я удивленнымъ тономъ спросилъ: Что вы тутъ дѣлаете? Видь Французы идутъ за нами по пятамъ, вы можете попасть въ плѣнъ! Дама сначала не хотѣла этому вѣрить; но вдругъ подокакавъ какой-то мущина, проговорилъ второпяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: „Лошадей.... экипажи.... Французы!...“

Между тѣмъ кабаки въ городѣ были уже разбиты, и вино изъ бочекъ вылито въ канавы. Негодяи черпали его черепками и въ пьяномъ видѣ расстѣвали непристойныя лѣсни. Проходя мимо Кремля, мы увидѣли что изъ тамошняго арсенала выбрасывали разнаго рода оружіе и топили въ мутной и тинистой рѣчкѣ (Неглинкой, которая, обрамленная кучами навоза, протекала между кремлевскими стѣнами и мясными,

нынѣ желѣзными, рядами). Пошки слѣдовали въ большомъ безпорядкѣ. Обозы съ товарами, помѣщичьи экипажи и телеги сталкивались и заграждали имъ дорогу. Въ этой суматохѣ я увидалъ вдругъ Богданова, въ лакейской ливреѣ и въ трехугольной шляпѣ съ галуномъ. Мнѣ показалось это чрезвычайно дико; но дѣло скоро разъяснилось. Пріятель мой съ человекомъ своимъ Петромъ завернули по дорогѣ въ домъ къ старушкѣ Власовой. Петръ сталъ увязывать кое-какія вещи, необходимыя въ походѣ, какъ вдругъ на улицѣ мелькнули медвѣжьи шалки Французскихъ конно-егерей. Богдановъ схватилъ висѣвшую въ передней ливрею, налялилъ ее на мундиръ, вмѣсто каски нахлобучилъ шляпу съ позументомъ и, пользуясь темнотой, укользнулъ отъ непріятеля. Петръ между тѣмъ невозмутимо продолжалъ увязывать разные кулечки, приговаривая: „куда слѣзъ, сударь, время не ушло“. Но оно такъ ушло для бѣдняка что онъ попался въ лѣвнъ, и во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ ему пришлось работать у нихъ вмѣсто вьючной лошади, таскать мѣшки съ мукой и т. п.

Когда мы осановились верстахъ въ десяти отъ Москвы, близъ великолѣпной дачи князя Голицына, и обернулись назадъ, то увидали что городъ пылалъ съ разныхъ сторонъ....

Пока французская армія поджидала благопріятнаго отвѣта отъ Александра, отвѣта, долженствовавшаго послѣдовать за переговорами о мирѣ между Лористономъ и Кутузовымъ, силы ея съ каждымъ днемъ ослабѣвали. Партизанъ Фигнеръ увѣдомилъ между тѣмъ главнокомандующаго что корпусъ Мюрата, расположенный въ 15ти верстахъ отъ Тарутина,* находится въ весьма бѣдственномъ положеніи, что кавалерію у непріятеля болѣе не существуетъ, что люди питаются кониной, а артиллерійскія лошади съ трудомъ продовольствуются фуражемъ и подкованы безъ шиповъ, что къ непріятелю, который не позаботился даже выставить ликетовъ, можно свободно пробраться кустарникомъ, и что наконецъ самъ онъ, Фигнеръ, съ нѣсколькими казаками лично во всемъ этомъ убѣдился. По донесеніи Фигнера, наряжена была экспедиція,

* Армія наша, послѣ отступленія отъ Москвы, направила свой путь по старой Калужской дорогѣ и остановилась въ укрѣпленной позиціи близъ Тарутина. Здѣсь къ ней стали прибывать резервы; продовольствіе войскъ учашилось и началась, какъ извѣстно, партизанская война.

въ которой приняла участіе легкая гвардейская дивизія и часть артиллеріи.

Въ октябрѣ 10го числа, часу въ 11мъ ночи, мы выступили противъ непріятеля. Палаши были обернуты полотенцами чтобы не стучали. Разговаривать и курить трубки было строго запрещено. Такимъ образомъ зашли чуть свѣтъ въ тылъ къ Французамъ. Двѣ сотни казаковъ, пробираясь по кустарникамъ, вдругъ наткнулись на нихъ, закричали *ура*, и бросились въ атаку. Мы вслѣдъ за казаками понеслись на всѣхъ рысяхъ. Французы, ничего не подозревая, расхаживали себѣ кто въ шинеляхъ, а кто просто въ рубашкахъ. Нѣкоторые варили кушанье. Кругомъ лежало множество дохлыхъ лошадей. Когда показались казаки, смятеніе произошло ужасное. Наши стали хватать людей и лошадей въ плѣнъ; но вдругъ подошла французская артиллерія и начала по насъ дѣйствовать весьма удачно. Стоявшаго возлѣ меня казака, который развертывалъ какую-то шаль и ею восторгался, ядро сильно окантузило, а меня сильно обдало землей... Въ этомъ не совсѣмъ успѣшномъ ночномъ дѣлѣ убитъ въ нашемъ отрядѣ знаменитый генералъ Баггаутъ. Мюратъ съ большою частію своей арміи успѣлъ отретироваться, и насъ въ послѣдствіи строго осуждали что, по нераспорядительности и неосторожности начальства, мы не захватили въ плѣнъ Неаполитанскаго короля.

Я забылъ сказать что незадолго предъ этимъ нашъ полкъ, въ отрядѣ генерала Дорохова, имѣлъ случай отличиться въ дѣлѣ противъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Маріи Луизы. Съ горстью пѣхоты и артиллеріи мы напали также чуть свѣтъ въ тылъ непріятелю, разбили его и перехватили на половину въ плѣнъ. Много при этомъ было взорвано пороховыхъ ящиковъ и фуръ съ бомбами. Лошадей оказалось въ такомъ количествѣ что солдаты наши продавали ихъ въ послѣдствіи по пяти рублей за штуку, выключая походные чемоданчики, изъ коихъ каждый содержалъ немного денегъ и серебряную столовую ложку. Дѣло это происходило близъ деревни Бурцево.

Между тѣмъ время шло, армія Наполеона приходила въ уладокъ, и духъ субординаціи въ ней почти исчезъ. Наполеонъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на миръ, двинулся къ Малоярославцу, съ тѣмъ чтобы по новому тракту, болѣе удобному въ отношеніи продовольствія, добраться чрезъ

Калугу до Смоленска и Вильны. Объ этомъ было сообщено Кутузову, который тотчасъ же отправилъ всѣ свои войска изъ Тарутина къ Малоярославцу, гдѣ и произошелъ извѣстный отчаянный бой. Городокъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ; мы много потеряли народу, но удержались на мѣстѣ въ эту достопамятную ночь. На другой день двинулись было къ полотнянымъ заводамъ Гончарова, по направлению къ Калугѣ, но вскорѣ, по распоряженію высшаго начальства, приостановились. Въ этотъ же день, поздно вечеромъ, къ Кутузовской палаткѣ собралось множество генераловъ для совѣщанія. Я былъ на ординарцахъ у графа Уварова и помню какъ Кутузовъ сидѣлъ на скамейкѣ у огня. Онъ поддерживалъ рукой голову и долго молчалъ. Взглянувъ на Беннингсена, онъ сказалъ: „Генераль, вы услали, присядьте“, и затѣмъ сталъ объяснять что Наполеонъ ретируется на Смоленскъ по старой дорогѣ, гдѣ все уже сѣдено, и что онъ съ Божьею помощію намѣренъ преслѣдовать и добить его полчища. Генералы изъявили свое согласіе, и чуть свѣтъ утромъ войска русскія тронулись по пятамъ Французовъ боковыми маршемъ.

Сначала время шло довольно теплое и сухое. Мы дѣлали по непріятелю фланговыя атаки, брали многихъ въ плѣнъ; но Французы еще отстрѣливались, такъ какъ артиллерія была у нихъ изрядная. Къ концу ноября сдѣлалась отъ дождя гололедица. Тутъ, некованые на шилы, французскія лошади илѣ фуръ, ни орудій везти не могли. Дня черезъ два случился жестокій морозъ съ вѣтромъ и снѣжною метелью, и разыгрались тѣ ужасныя сцены, понятіе о которыхъ могутъ составить себѣ лишь очевидцы.

Мы находили нѣрѣдко людей лежащихъ у костровъ съ обгорѣлыми ногами. Иные убивали лошадей и, выпустивъ внутренности, прятали въ оныя отъ холода* руки и ноги, но и въ этомъ положеніи замерзали. Много мы ловили солдатъ одѣтыхъ въ женскіе салопы, священническія ризы или лакейскія ливреи. У иныхъ на головахъ вмѣсто касокъ торчали капоры. Только на весьма рѣдкихъ видны были шубы. Мы, съ своей стороны, такъ же во многомъ терпѣли недостатокъ; но у насъ еще были кое-какія залихсневѣлые сухари, которые Французы охотно покупали у нашихъ солдатъ по пятифранковику за штуку.

По дорогѣ попадались женщины въ оборванныхъ салоплахъ

въ лалтяхъ, изнуренныя и изнеможенныя. Посмотришь, въ сторонѣ бѣжитъ Французъ въ поповской ризѣ, а за нимъ гонится мужикъ съ дубиной; но такъ какъ на сликъ у Француза сіяетъ крестъ, то мужикъ набожно снимаетъ шапку и бьетъ врага по украмъ и ляткамъ. Казаки, преслѣдуя французскихъ кирасиръ, загнали ихъ въ какое-то болото, и мы видѣли нѣсколько всадниковъ верхами провалившихся въ воду и замерзшихъ въ разныхъ положеніяхъ. Наши отсталые солдаты также дѣлались жертвой мороза. Мы по дорогѣ разбирали крестьянскія крыши и кормили лошадей гнилою соломою. Около Краснаго, оказалась недостача въ хлѣбѣ, и мы лигались кое-какъ картофелемъ, поджаривая его на огнѣ, и не дождавшись чтобъ онъ вылекся какъ слѣдуетъ, ѣли его съ жадностію полусырымъ.

Подъ Краснымъ мы ходили нѣсколько разъ въ дѣло. Французы худо дрались, и намъ удалось, перехватывъ тысячи въ плѣнъ, разстроить корпусъ маршала Нея и отбить у него значительную денежную казну. Монеты оказалось въ такомъ изобиліи что солдаты наши охотно давали за синенькую пятирублевую ассигнацію десять пятифранковиковъ. Здѣсь я видѣлъ слѣдующую невозможную при другихъ обстоятельствахъ сцену. Два улана вели подъ усты лошадей, на сѣдлахъ которыхъ висѣли порядочной величины мѣшки, поддерживаемые деревянною перекладной и нагруженные пятифранковиками. Уланы шли сердитые, ругаясь. Они видимо изнемогали отъ холода и усталости; наконецъ, придя въ азартъ, запустили руки въ мѣшки, и горстыми стали выбрасывать деньги прямо въ сѣвгъ. Собралась кучка любопытныхъ, и многіе протестовали противъ подобнаго безразсуднаго поступка уланъ; но послѣдніе, освиригивъ, продолжали разметывать монету, приговаривая: „шершь, шершь!“ Когда имъ замѣтили что гораздо было бы лучше припрятать эти деньги на черный день, они отвѣчали что и безъ того чемоданы и кобуры у нихъ полны серебромъ, и что съ остальнымъ добромъ имъ дѣлать нечего. Подъ Краснымъ на бивакахъ, солдаты, изъ молодечества или просто изъ желанія преслѣдовать непріятеля налегкѣ, жгли разные драгоценные предметы, какъ-то кружева, которыя разматывали съ мотушекъ, и т. л. Солдаты моего взвода подарили мнѣ до двухъ тысячъ пятифранковиковъ, нѣсколько дюжинъ батистоваго бѣлья и разныя серебряныя вещи, изъ которыхъ по окончаніи кампаніи я сдѣлалъ тяже-

лую ризу на образъ Казанской Божіей Матери. Однажды рано утромъ, юнкеръ нашего полка Гашинскій наткнулся на застрявшія въ снѣгъ сани заложенныя четверкой дохлыхъ французскихъ клачъ. Въ саняхъ находился огромный комодъ о пяти ящикахъ. По вскрытіи оказалось что въ верхнихъ отдѣленіяхъ хранились ленты и водяныя краски, а въ нижнихъ — галантерейныя золотыя вещи съ алмазами, кунавинскія шали и разныя матеріи. Не успѣвъ Гашинскій показать мнѣ свою военную добычу, какъ подъѣзжаетъ фланговый солдатъ, Угневенко, и говоритъ мнѣ: „Ваше благородіе, не хотите ли купить знатную табакерочку съ генеральскимъ портретомъ?“ Я взглянулъ и ахнулъ отъ удивленія. Это была большая золотая табакерка съ портретомъ Наполеона, осыпаннымъ крупными брилліантами, съ драгоценными по угламъ солитерами. Я едва успѣвъ спросить о цѣнѣ, какъ подвернулся уланскій офицеръ Вейсъ, швырнулъ Угневенка 200 р. ассигн. схватилъ табакерку и былъ таковъ. Въ послѣдствіи онъ продалъ ее въ Витебскѣ Елрею за 16.000 руб.

Подъ Краснымъ отбито у непріятеля до двадцати пудовъ серебряныхъ въ куски изрѣзанныхъ образныхъ ризъ, которыя были представлены въ главную квартиру, вмѣстѣ съ другими вещами похищенными Французами изъ Москвы, какъ-то кубками, блюдами, вазами и т. п. Въ непріятельскомъ обозѣ захвачены также русскія фальшивыя ассигнаціи (пятидесяти и сторублеваго достоинства), которыя были отпечатаны въ Парижѣ и привезены въ Москву для сбыта. Впрочемъ денегъ фальшивыхъ и не фальшивыхъ имѣлось тогда во множествѣ. За то на жизненные припасы цѣны стояли чрезмѣрно высокія. Такъ напримѣръ, маркитантки продавали штофъ простаго вина по 5 р.; фунтъ сахара стоилъ 6 р.; фунтъ обыкновеннаго чая 20 р.; фунтъ испорченнаго винограда 10 р. Хлѣба невозможно было найти нѣсколько дней ни за какія деньги. Поневоѣ при такихъ обстоятельствахъ всѣ наши богатства казались ничтожными.

Офицеры играли и пили напропалую. Многіе были убѣждены что домой не вернутся живыми и потому предались страшному кутежу. Женщины дурнаго поведенія, водка, луншъ, банкъ, — вотъ чѣмъ занимались на стоянкахъ. Во время преслѣдованія непріятеля форма не соблюдалась. Много офицеровъ было одѣто въ овчинныя полушубки, оборванные салогіи и фуражки. Деньги доставались легко и тратились еще легче

Однажды по дорогѣ уланскій офицеръ Карагоровъ натѣхалъ на заброшенный лафетъ отъ пушки. Онъ изъ любопытства отворилъ находившійся въ передкѣ ящикъ и выгребъ оттуда нѣсколько тысячъ рублей ассигнаціями, но, увы, французскаго издѣлія. Немного дней спустя онъ былъ убитъ въ стычкѣ съ непріятелемъ. Предъ смертію однако успѣлъ проигратъ въ пухъ, и денежки его перешли къ одному ротмистру, опытному банкомету.

Сколько такихъ происшествій записано было мною въ моихъ книжкахъ, которыя къ сожалѣнію сгорѣли во время пожара деревенскаго нашего дома въ 1861 году!

• Изъ-подъ Краснаго для укомплектованія нашей дивизіи посланы мы были въ Витебскую губернію. Намъ съ Богдановымъ отвели квартиру въ самомъ Витебскѣ, въ домѣ директора гимназіи Цвѣтковскаго. Напротивъ самыхъ нашихъ оконъ находился лазаретъ, гдѣ пользовались лѣвяные Французы. Они умирали какъ мухи. По средамъ и субботамъ ихъ вывозили за городъ голыми для *сожженія*. Тѣла ихъ, хранившіяся въ сараѣ, замерзали, но отъ дѣйствія огня вытягивались и корчились, какъ въ конвульсіяхъ, и навели на меня неописанный страхъ, когда я однажды изъ глупаго любопытства вздумалъ посмотрѣть на это зрѣлище. Пребываніе въ Витебскѣ памятно мнѣ тѣмъ что въ одинъ прекрасный день приказомъ пзъ полка объявлено мнѣ было что я, за дѣло при деревнѣ Бурцово и подъ Краснымъ, награжденъ орденомъ Св. Анны 3й степени на шлягу. Радости моей не было конца. Въ тотъ же день я обѣгалъ всѣ жиловскія лавки чтобы найти кусокъ анненской ленты, но къ большой моей грусти, нигдѣ таковой отыскать не могъ. Объ этомъ узналъ мѣстный исправникъ и прислалъ мнѣ въ презентъ желанное украшеніе, за что я послѣднимъ отблагодарить его парой прекрасныхъ французскихъ pistolsетовъ. По дорогѣ домой, я купилъ за безцѣнокъ у протѣзжаго Жидъ караковую англазированную лошадь, худую какъ скелетъ, но хорошихъ статей. Она была подъ французскимъ полковникомъ, но отъ безкормицы смотрѣла клячей. Вскорѣ она у меня выправилась, и охотники предлагали за нее уже 1.700 руб.; но я ее не отдавалъ, и она мнѣ прослужила до Кульмскаго сраженія, гдѣ пулей перебило ей кость ноги.

Изъ Витебска намъ приказано было двинуться къ Варшавѣ. Предъ самымъ походомъ пріѣхали къ намъ лейбъ-уланскаго полка вахмистръ со взводнымъ унтеръ-офицеромъ съ

покорнѣйшею просьбой чтобы всѣ мы, штабъ-и оберъ-офицеры, не исключая генерала Чичерина, откушали у нихъ чай и поужинали. Лейбъ-уланскій полкъ стоялъ верстахъ въ 20ти отъ Витебска. Чичеринъ не поѣхалъ, но большая часть офицеровъ отправилась въ гости. Въ длиннѣйшей корчмѣ, увѣшанной картинами и убранный вензелями и гирляндами изъ елокъ, гремѣли дѣвъ жидовскія музыки и уланскіе трубачи. Посреди накрытъ былъ столъ, уставленный разными закусками и чайными принадлежностями, а подъ столомъ поставлены ящики для пива и вина. При входѣ въ корчму насъ встрѣтилъ французскій маршалъ съ четырьмя генералами въ шитыхъ французскихъ мундирахъ. То были переряженные вахмистръ съ четырьмя взводными унтеръ-офицерами. Музыка заиграла, и началась оргія съ ея неизбежными крайностями...

Вскорѣ послѣ того мы тронулись въ походъ. Изъ Царства Польскаго перешли въ Пруссію, въ Берлинъ, а отсюда въ Силезію, гдѣ великій князь Константинъ Павловичъ сѣдмалъ полкамъ нашимъ нѣсколько смотровъ. На одномъ изъ нихъ, великій князь, будучи не въ духѣ, скомбиндовалъ всѣмъ офицерамъ приблизиться къ нему и сталъ строжайше выговаривать имъ за ихъ ѣзду и выправку людей. Къ Чичерину онъ обратился съ рѣзкимъ замѣчаніемъ объ офицерахъ; но непріятное дѣло это вскорѣ уладилось. Когда на другой день Чичеринъ отпалтовался больнымъ, и разнесся слухъ что всѣ штабъ-и оберъ-офицеры намѣрены подать въ отставку, великій князь послѣшилъ сначала извиниться лисьменно, а потомъ и лично, на слѣдующемъ смотрѣ. „Господа“, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ, „я намеренъ погорячился, извините меня; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.“ Мы остались весьма довольны и лицами просвѣтлѣли. По окончаніи ученья, вызваны были лѣсенники, которые грянули любимую лѣсенку великаго князя:

Наша матушка Россія
Не беретъ насильно,
Веретъ добровольно,
Наступа на горло.

Военныя дѣйствія въ 1813 году начались въ Саксоніи, гдѣ подъ Мюнхеномъ мы были жестоко поколочены молоденькими и худенькими новобранцами Наполеона. Подъ Бауценомъ союзныя войска вторично потерпѣли неудачу, но нашъ полкъ

не участвовалъ въ этомъ сраженіи, которое было будто бы проиграно вслѣдствіе недостатка боевыхъ зарядовъ. Мнѣ тогда сильно возставади противъ распорядителя паркомъ, генерала Ермолова. Онъ находился въ городкѣ Кольтъ, куда я былъ командированъ для принятія патроновъ.

На разсвѣтъ нашу гвардейскую дивизію повели кратчайшимъ путемъ изъ Дрездена черезъ Богемскія горы къ Кульму. Вожатыми были свитскіе офицеры и два ластуха, хорошо знакомые съ опасными горными проходами. Массами по тропинкамъ, окруженнымъ страшными обрывами, люди спускались и вели лошадей подъ устья: ~~многихъ~~ изъ нихъ попадали въ пропасть, но вообще путь совершенъ былъ благополучно и, спустившись съ горъ, мы выстроились на равнинѣ покрытой мелкимъ кустарникомъ. Впереди насъ раздавалась страшная пальба, и мы скорѣ увидѣли бѣгущихъ на насъ солдатъ гвардейскихъ лѣхотныхъ полковъ, Семеновскаго и Преображенскаго, которыхъ сильно преслѣдовалъ непріятель. Въ то время подскочилъ къ намъ, въ шюртукѣ и фуражкѣ, генералъ Дибичъ и приказалъ немедленно идти въ атаку противъ Французовъ. Когда мы, съ криками ура, понеслись по кустамъ, производя страшный шумъ, непріятельская кавалерія растерялась; озятые лавическимъ ужасомъ, Французы сдѣлали залъ изъ ружей и обратились въ бѣгство. Мы всѣ были вооружены ликами и въ тылъ перекололи бѣглецовъ. Тутъ къ намъ подошли лѣхотные полки и стали такъ дружно дѣйствовать штыками и ружейными прикладами что въ продолженіи получаса непріятельская колонна въ 6.000 человекъ была окончателно истреблена. Это было замѣчательно счастливое дѣло, и поплатились мы за него сравнительно ничтожною потерей въ людяхъ и лошадяхъ. Подо мною ранена была моя верховая лошадь. Ей прострѣлили ногу, и она осталась на мѣстѣ. Предъ самымъ дѣломъ, только-что прибывшій изъ Петербурга капитанъ Воеводскій, командовавшій запаснымъ эскадрономъ и очутившійся по протекціи въ нашихъ отрядахъ, чтобъ имѣть случай участвовать въ сраженіи, убѣдительно просилъ меня одолжить ему мою каску, такъ какъ въ фуражкѣ ему неловко было быть предъ эскадрономъ. Я охотно

* Пролускъ обнимаетъ эпоху Плевнѣвскаго перемѣна и Пражскихъ переговоровъ, до Кульмскаго дѣла.

согласился на его просьбу; но едва началась атака, какъ Воеводскій упалъ, пораженный на смерть: пуля пробила мою каску и его голову.

На другой день разбитъ былъ корпусъ Вандама, и самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ; а на третій, полки наши выстроены уже были фронтомъ въ ожиданіи торжественнаго смотра союзными государями. Государь, Прусскій король и великій князь Константины, не выпуская шляпъ изъ рукъ, съ открытыми головами проѣзжали мимо насъ, благодаря начальниковъ за блестящую побѣду. Въ тотъ же день въ приказахъ объявлены были офицерамъ награды, какъ отъ нашего императора, такъ и отъ Прусскаго короля. Я получилъ, въ чинѣ поручика, Анну на шею и Кульмскій крестъ, лестное въ то время отличіе для молодого, безъ всякой протекціи офицера.

Въ Кульмѣ армія наша бивуакировала въ шалашахъ и палаткахъ, въ долинахъ изобилующей грушевыми деревьями, яблонями и сливами, такъ что войска питались по преимуществу плодами. По вечерамъ съ Богемскихъ горъ прилетали стада куропатокъ. Солдаты, завидя ихъ, принимались кричать и швырять чѣмъ попало въ испуганную птицу. Ее нерѣдко брали руками и тутъ же жарили. Изъ Кульма мы ѣзжали на прогулки въ Теллицъ, гдѣ насъ ожидали хорошій столъ, танцующія Нѣмочки и чистая какъ стекло горячая вода, натекающая прямо съ горъ въ бѣлыя мраморныя ванны.

Къ концу этой стоянки, прелесть которой была нарушена сильными дождями, залившими наши травяныя постели въ палаткахъ, главнокомандующій, князь Шварценбергъ, приказалъ, въ видахъ безопасности позиціи, вырубить всѣ деревья, плодами которыхъ мы такъ долго наслаждались. Нужно было видѣть ужасъ бѣдныхъ обывателей и слышать ихъ вопли, когда началось это опустошеніе. Слѣдуетъ однако отдать справедливость нашимъ солдатамъ: они не охотно принялись за рубку, ворчали промежъ себя и брали начальство...

Изъ-подъ Кульма армія тронулась къ Лейпцигу. Пришли мы на позицію очень поздно, и пока солдаты размѣстили лошадей и успѣли сварить себѣ кашу, а мы напиться чаю, совсѣмъ уже стало свѣтать. Вдругъ явились свитскіе офицеры и адъютанты, съ приказаніемъ садиться на лошадей и немедленно слѣдовать за ними. Мы ложились длиннѣйшими огородами, засаженными калустой и буквально наводненными зайцами, и часу въ девятомъ утра прибыли къ мѣсту назна-

ченія, гдѣ намъ скомандовали „смирно!“ и поставили прикрывать двѣ 24хъ-пушечныя батареи, австрійскую и русскую. Императоръ Александръ находился уже на сосѣдней возвышенности (съ правой отъ насъ стороны), окруженный большою свитой и съ двумя эскадронами лейбъ-казаковъ. Дѣло завязалось въ 10 часовъ орудіями. Когда мы пошли въ атаку на французскихъ латниковъ (отличный народъ, только-что прибывшій изъ Испаніи), они насъ опрокинули и взяли батарею; но подослѣвшая пѣхота принудила ихъ отступить. Полки наши вновь выстроились, и по приказанію генерала Шевича, снова бросились въ атаку и снова были опрокинуты. Къ счастью, непріятель былъ остановленъ довольно глубокимъ рвомъ, черезъ который не могли перескочить тяжелые французскіе всадники. Между тѣмъ государь, замѣтя наше критическое положеніе, подослалъ къ намъ великаго князя дабы ободрить войска и поднять ихъ духъ; но едва послѣдній приблизился къ мѣсту дѣйствія, какъ непріятельское ядро оторвало голову генералу Шевичу и его адъютанту, и мозги несчастныхъ полетѣли въ великаго князя. Вслѣдъ за нимъ подѣхалъ генералъ Милорадовичъ съ шестью орудіями и обратился къ полкамъ со строгимъ замѣчаніемъ что они осрамились въ глазахъ государя, и что ежели вновь будутъ посланы въ атаку и такъ же постыдно отретироваться, то онъ, Милорадовичъ, будетъ стрѣлять въ нихъ картечью. Разсуждать было нечего, и мы понеслись въ атаку съ страшною стремительностью. Французы повернули назадъ, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ мы ихъ преслѣдовали; но вдругъ по нашимъ войскамъ непріятель открылъ сильнѣйшій картечный огонь, который буквально обратилъ насъ въ бѣгство. За нами полетѣли латники. Тогда государь послалъ на выручку лейбъ-казаковъ, и ихъ удачное вмѣшательство спасло насъ отъ вѣрной гибели.

Дальнѣйшаго хода битвы описывать не стану. Эти ужасные и кровопролитные дни ознаменовались захватомъ огромнаго числа непріятельскихъ орудій и фуръ, лѣвномъ нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ, въ томъ числѣ и генераловъ, измѣной саксонскихъ войскъ, постыдною смертію маршала Понятовскаго, арестомъ Саксонскаго короля въ Лейпцигѣ и преслѣдованіемъ Французовъ, которые ускользали отъ насъ, пользуясь сильными утренними туманами.

Во время преслѣдованія, полкъ нашъ остановился въ Баденъ-Баденѣ, который лѣвилъ меня своимъ прекраснымъ рас-

положеніемъ въ горахъ. Я отправился осматривать замокъ курфирства, замѣчательный своимъ страшнымъ подземнымъ арсеналомъ. Тутъ собраны были всевозможныя орудія пытки, начиная съ простыхъ клещей, желѣзныхъ рѣшетокъ и кончая деревянною куклой, изображавшею довольно красивую молодую женщину, которая въ былыя времена принимала въ свои объятія преступниковъ и пронжала ихъ кинжалами. Сторожъ показывалъ мнѣ также небольшія ниши (съ каменными дверями), куда сажались приговоренные къ голодной смерти. Огромныя залы средняго этажа установлены были древнею залущенною мебелью. Своимъ романтическимъ видомъ старинный замокъ такъ понравился Чичерину, что онъ предложилъ нашимъ офицерамъ дать въ немъ балъ. Полковникъ Альбрехтъ выхлопоталъ на то позволеніе, и мы, собравши по подпискѣ около двадцати тысячъ франковъ (огромная въ то время сумма), приступили къ устройству праздника. Внутреннія стѣны выбѣлены были мѣломъ и убраны фестонами и гирляндами изъ виноградныхъ листьевъ. Надъ замкомъ воздвигнули русскаго орла громаднѣйшей величины, и окна блистательно иллюминировали разноцвѣтными шкаликами и фонарями. Паркъ былъ вычищенъ, какъ можно лучше, а при входѣ въ замокъ разостлано бѣлое солдатское сукно. Сверхъ того на караулы наряжены лучшіе и красивѣйшіе люди изъ нашихъ полковъ.

Приглашенія на балъ были разосланы въ Страсбургъ, Карlsruhe и другіе окрестные города. Сѣѣхалось необыкновенно много народу. Лейбъ-уланъ и лейбъ-гусары явились съ своею музыкой. Однихъ Нѣмцевъ съ женами и дочерьми собралось до 500 человекъ. Великолѣпный ужинъ удался какъ нельзя болѣе, а танцы длились до четырехъ часовъ утра. Къ концу бала мы собрали въ пользу бѣдныхъ обывателей еще шесть тысячъ франковъ. Нѣмцы съ восторгомъ описывали въ послѣдствіи этотъ праздникъ въ своихъ газетахъ.

Изъ счастливаго Бадена лодки наши двинулись вдоль береговъ Рейна. Здѣсь каждый день новыя виды, новыя города, новыя костюмы.... Въ городахъ насъ принимали какъ освободителей отъ Наполеоновской тиранніи, устраивали побѣдныя арки, задавали балы, угощали виномъ, фруктами, конфетами, музыкой. Это было настоящее триумфальное шествіе! Но картина разомъ измѣнилась, какъ только мы переступили французскую границу.

1го января 1814 года, послѣ Базельскаго большаго смотра, мы вступали въ Альзасъ. Здѣсь жители, возстановленные противъ Русскихъ Наполеоновскими прокламаціями, смотрѣли на насъ какъ на медвѣдей. Квартиры были холодныя, плохо отопляемыя виноградными сучками, такъ что въ комнатахъ вода мерзла, и ночью мы едва согрѣвались подъ полушубками и шинелями. Въ фуражѣ и лицѣ недостатки были весьма ощутительныя.

Близъ Лангра, въ Шампаньи, намъ отвели съ Богдановымъ квартиру у аббата, имени котораго теперь не упомяну. Этотъ господинъ такъ насъ испугался что спрятался въ чуланѣ и притаилъ духъ. Уже нѣсколько часовъ спустя мы открыли его убижище, по дошедшему до насъ непріятному запаху. Аббатъ оказался прелюбезнымъ молодымъ человѣкомъ, начитавшимся къ несчастію глупыхъ прокламацій, гдѣ утверждалось что русскіе питаются людскимъ мясомъ. Онъ очень удивился какъ мы заговорили съ нимъ по-французски, и долго не вѣрилъ что имѣетъ предъ собою благовоспитанныхъ людей. Вскорѣ появилась на столѣ закуска изъ яицъ, двухъ куръ и прекраснаго вина. Французъ нашъ разболтался за троихъ.

Близъ Троя, мы остановились въ замкѣ у какихъ-то дюшесъ-старушекъ, приходившихся сродни Бурбонамъ. Самы старушки жили въ городѣ, но навѣзжали лѣтомъ для прогулки въ обширномъ залустѣвшемъ саду замка. Тутъ до насъ побывали казаки и разграбили что могли, переломали мебель, перебили стекла въ окнахъ, зеркала, фортепіано и разную посуду, а въ погребахъ изрядно потрудились надъ бочками съ посредственными краснымъ и бѣлымъ виномъ. Вина впрочемъ осталось вдоволь, и наши солдаты стали варить на немъ щи, находя это очень вкуснымъ. Столь же вкуснымъ находили они, вѣроятно, и кофе въ Германіи, который пили не иначе какъ вмѣстѣ съ гущей, подъ предлогомъ что такимъ образомъ „что-нибудь да попадаетъ на зубъ“.

Въ этомъ замкѣ нашему эскадрону назначена была дневка. Рано утромъ одинъ драгунъ, гуляя по саду, открылъ въ стѣнѣ небольшое отверстіе, заросшее травой. Онъ ощупалъ его шомполомъ, предполагая не потаенное ли это мѣсто въ родѣ тѣхъ куда Французы пѣдали обыкновеніе запрятывать отъ насъ хлѣбъ и другіе жизненные припасы, но дна не оказалось. Онъ привязалъ шомполъ къ длинному сучку, но и это не помогло. Явно что здѣсь было нѣчто поглубже тайничка. Тог-

да другунъ пригласилъ товарища отправиться въ замокъ, спуститься въ погреба, и приложивъ ухо къ стѣнѣ, прислушиваться какъ онъ будетъ постукивать снаружи шомполомъ. Маневръ этотъ удался какъ нельзя лучше. Солдаты отыскали замурованную дверь, выбили кирпичъ, и очутились въ склепѣ съ маленькимъ полузаросшимъ окошечкомъ, куда другунъ и просунулъ случайно шомполъ. Въ склепѣ висѣло на цѣпяхъ нѣсколько бочекъ съ превосходнымъ виномъ. Тутъ же стояли ящики съ бутылками киршвассера, *vin de la comète* одиннадцатаго года и т. п. Къ стѣнамъ прицѣплены были окорока... Эта богатая находка привлекла другихъ солдатъ. Они стали шарить по всѣмъ угламъ и скоро открыли еще четыре склепа, гдѣ хранились сундуки со столовымъ серебромъ, кубками древней работы съ вензелями и другими драгоценными вещами украшенными жемчугомъ и брилліантами. Капитанъ Станковичъ, человѣкъ умный и образованный, хотя и горькій пьяница, остановилъ солдатъ отъ грабежа и, собравъ лучшія вещи, свезъ ихъ самъ въ Троя къ знатымъ старушкамъ. Онъ предложилъ ему въ знакъ благодарности серебряную ложку, вилаку и ножикъ, но онъ отказался. Въ послѣдствіи мы узнали что солдаты успѣли-таки попользоваться кое-какими сокровищами.

Изъ Троя нашъ эскадронъ перевели въ маленькій и красивый городокъ Сезакъ, гдѣ жители встрѣтили насъ весьма недружелюбно. Лавки были заперты, а окна въ домахъ закрыты. Здѣсь мы узнали что подъ Шамлоберомъ произошло серьезное дѣло съ непріятелемъ, что генералъ Олсуфьевъ разбитъ, а русское войско отрѣзано отъ прусскаго. Вскорѣ пришло предписаніе отъ генерала Дибича—разсыпать въ ночные разъѣзды офицеровъ съ пятнадцатью человѣками нижнихъ чиновъ, для отысканія гдѣ находится корпусъ Блюхера. Когда дошла очередь до меня, я взялъ съ собою унтеръ-офицера Тарасенкова, рядоваго Прядко, весьма расторопнаго малаго, и 12 человѣкъ солдатъ. Въ проводники мы дали пожилаго толстаго Француза-булочника, обросшаго бакенбардами, съ косичкой. Ночь была лунная, мы поѣхали вдоль большой и богато отстроенной деревни Овъ. Вдали горѣли какіе-то огни. Подѣзжая къ Шамлоберу, я послалъ впередъ Тарасенкова съ проводникомъ узнать нѣтъ ли тамъ Французовъ; а самъ остановился шагахъ въ двухстахъ съ остальными людьми. Не прошло четверти часа, какъ мой унтеръ-офицеръ вернулъ

ся и доложилъ что булочникъ въ глазахъ у него соскочилъ съ лошади, перепрыгнулъ черезъ заборъ и далъ тягу. Не подозревая опасности, я въѣхалъ въ деревню узенькою дорожкой, огороженною частоколомъ. Здѣсь я увидалъ нѣсколько человѣкъ солдатъ выходящихъ изъ освѣщенной избы и закричалъ имъ: что за люди? но вѣтеръ былъ такой сильный что они не могли разобрать моихъ словъ и потому не отвѣчали. Я поѣхалъ дальше и вдругъ вижу лошадей пятнадцать совсѣмъ осѣдланныхъ и привязанныхъ къ забору, возлѣ нихъ солдаты въ каски и тутъ же на землѣ кучка спящихъ людей. Спрашиваю: *êtes vous français?*

— *Oui, que diable!* отвѣчаетъ часовой, расталкивая товарищей. Прядро вынулъ пистолетъ и говорить: „Ваше благородіе, позвольте застрѣлить, вѣдь это Французъ!“

Не успѣлъ я схватить его за руку и скомандовать людямъ: назадъ! какъ между Французами произошелъ шумъ, и надъ нами просвистали пули. Въ эту же минуту раздались барабаны, затрубили трубачи, и въ непріятельскомъ лагерѣ произошла сильная тревога. Мы галопомъ, а затѣмъ на полныхъ рысяхъ едва укакали отъ бѣды.

Около Оя я снова наткнулся на французскій пакетъ человѣкъ изъ восьми. Солдаты мои бросились на нихъ, и они пустились бѣжать въ огороды, оставивъ на мѣстѣ шесть замунштученныхъ лошадей и шесть касокъ съ хвостами. Въ Оя еще все спало, но на улицахъ стали уже кое-гдѣ показываться лѣвшіе солдаты. Я приказалъ своимъ людямъ надѣть захваченныя каски, и мы благополучно на рысяхъ проѣхали черезъ деревню. При въѣздѣ стоялъ другой пакетъ; нѣсколько человѣкъ вышли посмотреть на насъ, но никто насъ не тронулъ, и такимъ образомъ, благодаря Бога, мы избавились отъ лѣвна.

Нѣсколько дней спустя мнѣ опять довелось ѣхать въ разѣѣздъ, но уже въ сопровожденіи тридцати солдатъ, двухъ унтеръ-офицеровъ и одного проводника. По дорогѣ прикомандировался къ намъ казакскій офицеръ весьма воинственной наружности и, ловидимому, большой хвастунъ, но пріятный собесѣдникъ. Онъ любезно подчивалъ меня табакомъ и водкой, чѣмъ я очень оскался доволенъ, такъ какъ утренники были холодные. Для отдыха мы заѣхали въ попавшуюся намъ большую ферму. Хозяинъ оной горько жаловался намъ что онъ обремененъ солдатскими постоями, что весь фуражъ и мука у него съѣдены, что жена его того и гляди родить, а

двое малыхъ дѣтей безъ присмотра. Но я вопреки его жалобѣмъ послалъ за меромъ, который тотчасъ же распорядился накормить нашихъ лошадей, а намъ изготовить кое-какую пищу. Отъ ѣды мы отказались, опасаясь отравы, такъ какъ простой народъ питалъ къ намъ явное нерасположеніе. Въ это время у фермера съ меромъ завязался крупный разговоръ, перешедшій въ страшную брань. Фермеръ схватилъ топоръ и занесъ его уже надъ головой противника, но я успѣлъ оттолкнуть его руку. Люди мои бросились на разбойника и связали его. Затѣмъ я распорядился поставить лукетъ близъ фермы и легъ отдохнуть; но вдругъ вбѣгаетъ Прядко съ извѣстіемъ что въ окрестностяхъ показался непріятельскій разъѣздъ, человекъ въ двѣнадцать. Такъ какъ на дворѣ стало уже свѣтать, то я велѣлъ мундштучить лошадей, и мы наскоро выбрались изъ фермы. Тутъ я только замѣтилъ что проводникъ нашъ и казачій офицеръ куда-то скрылись. Деньщикъ послѣдняго объяснилъ мнѣ что „его благородіе, чуть станеть жутко, сейчасъ на утекъ“. По дорогѣ нагналъ насъ оставшій драгунъ, съ жалобой что фермеръ, который успѣлъ какъ-то высвободить свои руки изъ веревоекъ, стащилъ его съ лошади, отнялъ у него аммуницію и чуть было не убилъ топоромъ.

Отъѣхавши шесть верстъ далѣе, мы увидали прекрасную ферму, окруженную высокими стѣнами, съ наглухо запертыми воротами. Я закричалъ чтобъ отворяли, но никто не отзывался. Солдаты подѣхали къ воротамъ и подняли страшный стукъ, но напрасно: въ домѣ все словно вымерло. Наконецъ выползъ откуда-то Французъ и объявилъ что онъ охотно впуститъ бы насъ, но что дворъ у него полонъ русскими солдатами, которые запретили ему отворять. Я тотчасъ же закричалъ по-русски: ребята отпирайте!... и черезъ минуту мы очутились на дворѣ, гдѣ насъ встрѣтили пѣхотные солдаты, человекъ 60, съ ружьями. Это были люди изъ разбитаго Осуфьевскаго корпуса, которые, сласаясь отъ пѣна, собрались въ эту ферму, въ надеждѣ на какую-нибудь неожиданную выручку.

Мы на радостяхъ устроили завтракъ. Хозяинъ, человекъ зажиточный, принесть намъ хлѣба, масла, сыра и молока, а между тѣмъ по просьбѣ моей отправилъ работника своего къ меру съ письмомъ, въ которомъ я требовалъ немедленнаго возвращенія лошади и аммуниціи насильственно отобранныхъ у драгуна, угрожалъ въ противномъ случаѣ явиться съ коман-

дой и ожечь все селеніе. Посланіе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Часа черезъ три люди и лошади отдохнули, и мы рѣшились двинуться въ путь по направленію къ Сезану, взявши, съ общаго совѣта, въ проводники самого фермера. Пѣхотинцы горячо благодарили меня, называя спасителемъ, и утверждали что по незнанію языка и дороги они безъ сомнѣнія попались бы въ лѣвнѣ. Въ это время показался взводъ всадниковъ въ медвѣжьихъ шалкахъ, который, не обращая на насъ вниманія, прямо двигался къ фермѣ. Случай отличиться былъ превосходный. Я уговорилъ пѣхотинцевъ занять ворота и встрѣтить непріятеля пулями, между тѣмъ какъ я со своими людьми брошусь на него въ атаку. „Рады стараться, ваше благородіе“, отвѣчали солдаты въ одинъ голосъ, и осмотрѣвши ружья, высыпали изъ воротъ и дали по Французамъ залпъ: двухъ убили, нѣсколькихъ ранили. Когда непріятель увидѣлъ нашу кавалерію, онъ бросился бѣжать, а мы понеслись за нимъ въ погоню. Къ несчастію, лошадь моя закусилла удила и какъ вихорь полетѣла впередъ. Замѣтивъ что дѣло можетъ кончиться плохо, я круто повернулъ ее въ сторону, причемъ насилу удержался въ сѣдлѣ. Французы скакали безъ памяти, но преслѣдовать ихъ дальше было бы опасно, и потому мы рѣшились вернуться назадъ.

Ферма отстояла отъ Сезана верстахъ въ 30. Въ продолженіи всей дороги, изъ канавъ, изъ-за кустовъ выходили русскіе солдаты, уцѣлѣвшіе отъ разбитаго Олсуфьевскаго корпуса, и присоединялись къ намъ. Ихъ набралось до 25 человекъ, такъ что я вступилъ въ Сезанъ во главѣ 85 пѣхотинцевъ, къ крайнему удовольствію и радости вновь прибывшаго туда майора N (фамилію не помню), который принялъ ихъ подъ свою команду. Когда я явился съ докладомъ къ нашему эскадронному командиру, полковнику Бесѣдину, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить моимъ разказамъ, но такъ какъ доказательства были налицо, то онъ сказалъ: „Подлинно съ вами случаются чудеса, но и со мной произошло нѣчто необыкновенное: сижу и пью себѣ преспокойно чай; вдругъ одинъ за другимъ входятъ ко мнѣ въ медвѣжьихъ шалкахъ четыре солдата старой гвардіи. У меня чашка изъ рукъ вывалилась; но къ счастью, тутъ же сзади показался мой вахмистръ и объявилъ что эти люди сдались въ лѣвнѣ, и не предупредивъ его, прошли прямо ко мнѣ въ кабинетъ. Я порядочно поколотилъ стараго дурака. Теперь

смѣшно, а кто желалъ бы быть въ моей шкурѣ?“ Прибавлю что злополучный полковникъ не понималъ ни слова по-французски. Нѣсколько времени спустя, эскадронъ нашъ получилъ приказаніе выступить изъ Сезана и соединиться съ полкомъ. Послѣ Шампленуазскаго смотра, мы прямо съ парада пошли въ дѣло противъ маршала Мармона. За отличіе въ кавалерійской атакѣ я получилъ брилліантовые знаки на Анну (вмѣсто коней мнѣ выдали деньгами 2.000 руб., да за золотую шпалу въ награду за арріергардные дѣла 1.000 р.). Въ этомъ счастливомъ для насъ дѣлѣ раненъ былъ остріемъ палаша въ лѣвый бокъ, прямо въ сердце, другъ мой Денисъ Сергѣевичъ Богдановъ. Рана казалась незначительною, и залекшаяся кровь изъ нея не текла; но предсмертныя страданія его были ужасны. Предъ отправленіемъ въ госпиталь, въ городъ Мо, онъ со слезами прощался со мною, говорилъ что живъ быть не можетъ, что сестры его, которыя должны получить отъ отца по 2.000 душъ крестьянъ, скоро его забудутъ, и что онъ умоляетъ меня принять отъ него въ знакъ дружбы 125.000 руб. и составить объ этомъ актъ, который онъ тотчасъ же подпишетъ. Но я его сталъ уговаривать что рана его вовсе не такъ опасна, что онъ скоро выздоровѣетъ, и что денегъ мнѣ не нужно. Такъ мы съ нимъ и простились.

.... 19го марта чуть свѣтъ гвардія получила приказаніе готовиться къ параду для вступленія въ Парижъ *. Генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ предписано было имѣть на каскахъ лавровые пучки, а на лѣвой рукѣ бѣлый шарфъ съ бантомъ. Парадъ начался въ девять часовъ утра. Впереди шли лейбъ-казаки, за ними государь и Прусскій король, окруженные большою свитой, затѣмъ по порядку лейбъ-гусарскій, лейбъ-уланскій, лейбъ-драгунскій полки, конногвардія и кавалергарды, за ними лѣшая гвардія (съ музыкой), Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій и Финляндскій полки и наконецъ позади ихъ артиллерія. Время стояло превосходное; парижскіе обыватели встрѣтили насъ какъ нельзя привѣтливѣй; дамы изъ оконъ и съ балконовъ бросали бѣлыя кокарды. Парадъ продолжался очень долго, такъ что легкая гвардейская дивизія остановилась не ранѣе пяти часовъ пополуд-

* Въ дѣлѣ 18го марта, рѣшившемъ судьбу Парижа, кавалерія наша не участвовала.

ни въ Champs-Élysées, гдѣ люди слѣпились въ ожиданіи размѣщенія. Въ седьмомъ часу насъ повели мимо Вандомской площади. Здѣсь народъ, столпившійся вокругъ известной бронзовой колоны, тащилъ съ нея веревками и лошадьми статую Наполеона. Но государь, узнавши объ этомъ, приказалъ остановить порывъ Французовъ, и на статую до времени надѣтъ былъ чехолъ. (На другой день ее однако сняли.)

Перешедши Сену, мы направились въ улицу Grenelle, гдѣ намъ были отведены казармы гвардейскаго драгунскаго полка императрицы Маріи-Луизы. Помѣщеніе оказалось превосходное, и главное, достаточно просторное для нашихъ трехъ полковъ, изъ коихъ между прочимъ много выбыло людей. Въмѣсто наръ (какъ у насъ) устроены были кровати съ набитыми волосомъ тюфяками, байковыми одѣялами и двумя подушками. Конюшни содержались въ безукоризненной чистотѣ; на обширномъ дворѣ били два фонтана въ мраморныхъ бассейнахъ. Офицеры размѣстились въ особомъ отдѣленіи.

Проголодавшись порядочно, мы (человѣкъ пять офицеровъ) вышли на улицу и у ближайшей рестораціи постучались въ дверь. Трактирщикъ и прислуга были изумлены увидавъ русскіе мундиры; но изумленіе ихъ еще болѣе увеличилось когда мы вѣжливо и на французскомъ языкѣ попросили что-нибудь закусить. Сама хозяйка заведенія не выдержала и явилась посмотреть на заморскихъ звѣрей. При разчетѣ новая комедія. Съ насъ сначала никакъ не хотѣли брать денегъ, но когда мы почти насильно заставили ихъ принять нѣсколько франковъ, хозяйка разлюбезничалась и стала приглашать насъ заходить къ ней почаще.

По выходѣ изъ рестораціи, баронъ С—нъ обратилъ вниманіе на какой-то домъ великолѣпной наружности. Онъ вызвалъ портъ (какъ сейчасъ помню, Mr Dubois) и сталъ вести съ нимъ переговоры о томъ нельзя ли намъ, въ случаѣ если домъ свободенъ, расположиться въ немъ квартирами. Dubois, изъ страха или изъ любезности, не знаю, изъявилъ на это свое согласіе, и вотъ такимъ образомъ мы нашли себѣ пріютъ нѣсколько покомфортабельнѣе скромнаго казарменнаго помѣщенія. Домъ, или лучше сказать дворецъ, отдѣланный въ старинномъ вкусѣ, принадлежалъ какому-то маркизу, знатнаго происхожденія, у котораго, по словамъ Dubois, хранилась гильйотина отсѣкавшая голову Лудовику XVI. Мы выбрали для спальни огромную круглую зеленую комнату, въ которую свѣтъ падалъ

падалъ съ потолка изъ окна, закрывавшагося круглою же стороной. Поутру Dubois принесть намъ кофе, а въ 12 часовъ подалъ прекрасный завтракъ, и вполнѣ освоился съ нашими привычками когда мы подарили ему 20 франковъ.

Я заказалъ себѣ форменное платье, которое было изготовлено съ безпримѣрною быстротою, и отправился въ Palais-royal, гдѣ между прочими вещами продавались уже русскіе эполеты, сабли, шитье на воротники и даже орденскіе знаки. На Георгіевскихъ крестахъ, очевидно французской фабрикаціи, изображены были *англизированные* кони, доказательство что купцы поджидали прибытія русской арміи въ Парижъ и заранѣе приготовили свой товаръ, который продавали въ три-дорога. Нашъ офицеръ Базилевскій заплатилъ за Георгія 120 франковъ.

Когда я заглянулъ на дворъ нашей казармы, тамъ уже собралось до 50 торговокъ съ пирожками, сигарами, орѣхами и разною мелочью. Солдаты съ ними шутили, заигрывали, и Богу одному извѣстно, объяснялись на какомъ нарѣчій. Женщинъ торговавшихъ водкой они называли *лагутками* (отъ французскаго слова la goutte). Въ тотъ же день я узналъ что извѣстный въ нашемъ эскадронѣ пьяница Юрко (изъ Хохловъ) отправился искать кабака и забрелъ въ алтеку. Тамъ онъ привелъ въ трепетъ алтекаршу своими страшными нафабреными усами, какимъ-то чутьемъ онъ отыскалъ стклянку съ алькоголемъ, выпилъ, закусилъ луковицей и потирая себѣ животъ отправился домой. За нимъ слѣдомъ въ казарму приближалъ растерявшійся алтекаръ, съ клятвами что онъ ни въ чемъ неповиненъ, что этотъ несчастный самъ отравился, что онъ не отвѣчаетъ за его неминуемую смерть, но Юрко и въ усъ себѣ не дулъ....

Припомню еще слѣдующій забавный случай. Разъ вечеромъ мы пили чай у полковника князя Хилкова. Князь былъ въ дурномъ расположеніи духа, потому что камердинеръ его, Семенъ, съ утра куда-то ушелъ безъ спроса и съ тѣхъ поръ не возвращался. Наконецъ онъ явился замѣтно навеселѣ. Это былъ видный собою брюнетъ, въ гусарскомъ доломатѣ и тонкихъ рейтузахъ. Когда Хилковъ принялся его бранить, онъ отвѣчалъ: „Ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Я торговалъ апельсины, когда подошли ко мнѣ два французскихъ офицера, разговаривая что-то себѣ подъ носъ. Одинъ изъ нихъ толкнулъ меня, и я его толкнулъ. У насъ завязалась ссо-

ра. Тутъ подошли два другіе офицера, посадили меня насильно въ карету и повезли въ лѣсъ (Булонскій). Я думалъ что они собираются меня убить и сильно струсилъ. Они сунули мнѣ въ руку пистолетъ, а другой пистолетъ дали толкнувшему меня офицеру, отмырили шага и велѣли стрѣлять. Я выпалилъ и прострѣлилъ офицеру фуражку, а онъ съ доломана сорвалъ у меня пучокъ пуговицу. Затѣмъ всѣ они бросились обнимать меня, кричали *bravo russes*, повезли съ собою въ трактиръ и тамъ угощали шампанскимъ.“ Исторія эта дошла до государя. Такъ какъ дуэли между русскими и французскими офицерами повторялись довольно часто, то во избѣжаніе этого намъ позволили носить партикулярное платье: фраки и сюртуки.

20го марта мы наняли ложу въ Grand-Opera (за 130 фр.) и отправились обѣдать въ Palais-royal къ Verrey. Къ концу обѣда явился казакскій штабъ-офицеръ и, извиняясь своимъ незнаніемъ французскаго языка, попросилъ насъ чтобы мы ему заказали щей, поросенка въ сметанѣ и т. л. Но такъ какъ этихъ блюдъ не оказалось, то онъ потребовалъ вина и преспокойно закурилъ трубочку. Офиціанты смутились, приближалъ самъ Веррей и сталъ упрашивать казака чтобы онъ бросилъ курить, потому что въ роскошныхъ салонахъ ресторана табакъ не допускается. Казакъ скромно погасилъ трубку, положилъ ее въ одинъ карманъ, а изъ другаго вынулъ туго набитый наполеондорами кошелекъ. Развязывая его, онъ выронилъ какъ бы нечаянно штукъ десять золотыхъ, которые полетѣлись по полу. „Это для прислуги“, сказалъ онъ не поворачивая головы, всталъ и вышелъ.

Вечеромъ въ залѣ Grand-Opera публики собралось видимо-невидимо. Давка была ужасная. Въ тѣснотѣ съ генерала Милорадовича сорвали эполетъ, и мы съ большимъ трудомъ добрались до нашей ложи. Французы, узнавъ что вмѣсто объявленной пьесы *Triomphe de Trajan* актеры собираются играть *La Vestale*, принялись кричать и неистово толкать ногами. Но на сцену вышелъ какой-то господинъ и объяснилъ что перемѣна эта восполнѣдовала по желанію ихъ величествъ императора Александра и короля Прусскаго. Публика на минуту успокоилась, но потомъ вдругъ заревѣла: „A bas l'aigle, а bas l'aigle!“ Тогда надъ ложей Наполеона опустили черный флеръ и закрыли имъ французскаго орла. Равнымъ образомъ успѣли набросить флеръ и на другаго орла, надъ сценой. Вско-

рѣ затѣмъ вошли въ ложу Александръ съ королемъ Фридрихомъ. Раздались шумные аплодисменты; дамы стали бросать въ партеръ бѣлыя кокарды, которыя подхватывались на лету и прищипливались къ шляпамъ. Воодушевление было необычайное и еще болѣе усилилось когда на сцену явился извѣстный тогда пѣвецъ Ленсъ (?) и запѣлъ:

Vive Guillaume,
Vive ce roi vaillant!
De son royaume
Il sauve les enfans,
Par la victoire
Il nous donne la paix,
Et conte gloire
Par les nombreux bienfaits.

Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien pretendre,
Sans nous dicter des loix,
Ce prince Auguste
A le triple renom
D'être heros, d'être juste
Et de nous rendre les Bourbons.

Государь и Прусскій король плакали отъ восторженія. Громогласныя ура не умолкали ни на минуту.

На другой день офицерамъ назначены были по чинамъ ~~бѣ~~го-ловыя деньги: прапорщику 3 фр., поручику 4, штабсъ-капитану 5, капитану 6, полковнику 10 фр. (назначеніе было отъ государя). Обѣдъ вообще обходился намъ тогда дешево. Мы пользовались большимъ кредитомъ въ лавкахъ и магазинахъ. Офицеры имѣвшіе свое собственное состояніе обращались къ банкирамъ съ простымъ удостовѣреніемъ отъ корпуснаго командира что они люди со средствами, и получали подъ векселя значительныя суммы. Государь въ послѣдствіи заплатилъ за всѣхъ, и мы вдобавокъ были уволены отъ выговоровъ и замѣчаній.

23го марта узналъ я о смерти друга моего Богданова, который скончался и былъ похороненъ на кладбищѣ въ городѣ Мо. Сначала я очень горевалъ и плакалъ, но парижская жизнь взяла свое и такъ закружила меня своими удовольствіями что вскорѣ я былъ вынужденъ продать за 9.000 фр. одну верховую и двухъ вьючныхъ лошадей. Лошади были тогда чрез-

вычайно дороги. Та которая въ обыкновенное время стоила 200 фр., продавалась за 1.000 и дороже. Это зависѣло отъ того что Наполеонъ забралъ въ Парижъ весь годный матеріалъ подъ артиллерію. Проигравшійся въ пухъ полковникъ А. рѣшился на отчаянную операцію: онъ продалъ изъ своего эскадрона 20 казенныхъ лошадей и получилъ за нихъ огромныя деньги. Во избѣжаніе страшной отвѣтственности, онъ выхлопоталъ у великаго князя Константина Павловича позволеніе отправиться въ экспедицію противъ не сдавагоса еще маршала Мармона. Эскадронъ А—а, къ которому я былъ причисленъ, отойдя отъ Парижа верстъ 30, имѣлъ съ непріятельскимъ аванпостомъ небольшую перестрѣлку, послѣ которой мы и офицеру Павлу Бурцеву сдались въ плѣнъ 25 французскихъ конныхъ латниковъ. Мы ихъ представили А., который насъ очень благодарилъ. Пополнивъ на счетъ непріятеля комплектъ лошадей въ своемъ эскадронѣ, онъ вернулся въ Парижъ еще съ порядочнымъ капиталомъ. Вся эта афера принесла ему болѣе 40.000 франковъ.

Изъ Парижа, гдѣ мы простояли около мѣсяца, насъ переехали въ Понтуазъ. Здѣсь я поселился у одного богатѣйшаго мельника М-г Амтеау, который съ своимъ дядей поставлялъ въ Парижъ въ громадныхъ количествахъ пшеничную муку. М-г Амтеау, французъ, мушкетеръ въ 1793 году, жилъ вмѣстѣ съ племянницей своей M-lle Julie, 17-лѣтнею богатою сиротой, главноуправляющимъ надъ мельницами М-г Revest и ложилъ женщиной экономкой, M-me Sophie. Квартира моя помѣщалась въ саду, въ отдельномъ павильонѣ. Утромъ и въ полдень являлась ко мнѣ аккуратно высокая и полная Sophie съ большимъ серебрянымъ подносомъ, нагруженнымъ различными закусками. Въ 7 часовъ вечера М-г Амтеау облачался въ черное франтовское платье (утромъ онъ имѣлъ обыкновеніе ходить по хозяйству въ длиннополномъ сюртукѣ бѣлаго сукна и въ круглой соломенной шляпѣ съ широкими полями), и мы садились за столъ превосходно сервированный на фарфорѣ. Вины, десертъ и ликеры подавались самые утонченныя. Часу въ восьмомъ у подъѣзда стоялъ уже великолѣпный кабриолетъ, заложанный парой гнѣдыхъ англизированныхъ лошадей въ шорахъ, и мы отправлялись кататься. M-lle Julie ѣхала рядомъ на маленькой верховой лошади. На берегу озера, близъ мельницы

(верстахъ въ четырехъ отъ Понтуаза), находился загородный домъ Аштеан, съ прелестнымъ садомъ, окруженный высокою каменною оградой, на которой шпалерами росли boncretiens. Нагулявшись въ саду, мы сѣли въ лодку и мельники-музыканты (кларнетъ, флейта и гобой) катали насъ по озеру. Хозяинъ и его главноуправляющій были приверженцами Наполеона и отъ души ненавидѣли Бурбоновъ, но политическія убѣжденія ихъ нисколько не мѣшали имъ быть весьма гостеприимными людьми. Julie, единственная наслѣдница своего дяди, который получалъ до 200.000 франковъ годового дохода и имѣлъ великолѣпный домъ въ Парижѣ, гдѣ проживала его фаворитка, была милая, рѣзвая дѣвушка, кокетливая, но весьма благовоспитанная и вмѣстѣ релігіозная. Она простодушно говорила мнѣ что я ей нравлюсь, но что католичка никогда не пойдеть замужъ за Русскаго; любила спрашивать про Россію, про ея города и нашъ образъ жизни. Sophie упросила меня взять съ собою на счастье бѣднаго ея родственника, мальчика Desiré, большого охотника до лягушекъ, которыхъ онъ ловилъ и ѣлъ. Я согласился; мальчикъ вышелъ прекрасный; но на первыхъ же порахъ дорого заплатилъ за свою страсть. Солдаты подсмотрѣли изъ-за угла какъ онъ справлялся съ лягушечьею кожей, приколотили его и ужъ больше не сажали съ собою за столъ. Desiré въ послѣдствіи перешелъ отъ меня къ Чичерину, а отъ Чичерина къ французскому посланнику въ Петербургъ, съ которымъ и уѣхалъ обратно во Францію.

Изъ Понтуаза насъ потребовали обратно въ Парижъ, по случаю большого парада, даннаго въ честь прибытія Людовика XVIII. На этомъ парадѣ присутствовали государь, Австрійскій императоръ, Пруссійскій король, Бернадотъ и Веллингтонъ. Императоръ Францъ удивилъ меня своею наружностію. Нужно представить себѣ худощаваго, очень непривлекательнаго человѣка, увѣшаннаго орденами, на маленькой, саврасенькой лошаdkѣ съ длиннымъ хвостомъ. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый фракъ, красныя панталоны и высокіе сапоги съ золотыми кисточками. На головѣ торчала трехъ-угольная шляпа съ галуномъ. Чепракъ изъ краснаго бархата былъ обшитъ золотымъ позументомъ и золотыми кистями. Бернадотъ смотрѣлъ молодцомъ.

Дневка въ Нанси—послѣднее пріятное впечатлѣніе которое я вынесъ изъ Франціи.

(А. В. Пл—сн.)

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣрить въ чудеса:
Есть нескудящая сила,
Есть и петлиная краса.

И увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ,
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.

И эта вѣра не обманетъ
Того кто ею лишь живетъ.
Не все что здѣсь цвѣло увянетъ,
Не все что было здѣсь пройдетъ.

Но этой вѣры для немногихъ
Лишь тѣмъ доступна благодать,
Кто въ искушеньяхъ жизни строгихъ,
Какъ вы, умѣлъ, любя, страдать,

Чужіе врачевать недуги
Своимъ страданіемъ умѣлъ,
Кто душу положилъ за други
И до конца все претерпѣлъ.

Ө. Т.